

# ИССЛЕДОВАНИЯ



Т. А. Листова

## Загробный мир в контексте проблемы нравственного воспитания

*Ой, тело ты, тело, ты чиво рана ела?  
А ты, душа, чиво ни втирпела?  
Тибе, тела, – у земле лижати,  
А мне, душе, – за грехи отвичать,  
Миня, душу, куда Бог повидёт<sup>1</sup>.*

В качестве прамбулы приведу отрывок из сказа «Сон Макара», написанный одним из лучших писателей России В.Г. Короленко, близко узнавшего быт и нравы русского населения Сибири во время длительных ссылок. Этот рассказ – образное изложение крестьянского видения всего процесса своего бытия, в котором за уходом из земной жизни следует Божий Суд. Процедура Суда, какой ее видит герой рассказа, адекватно воспроизводит тот образ божественной «юстиции», который сложился в народной религиозности. Только таким мог увидеть крестьянин Божий суд, который по справедливости и с состраданием оценит его бесконечное терпение, бедность, все тяготы земной жизни. Сюжет вкратце таков: бедный крестьянин из глухой якутской тайги, далекий от постоянной церковной жизни, умирает, и его ведут на суд к Богу. Для взвешивания его грехов ставят весы. Попытки Макара преувеличить свои добрые дела тут же пресекаются, поскольку всё у Бога записано в книгах. И деревянная чаша весов с его грехами начинает перевешивать. И тогда Макар начинает вспоминать всю свою бесправную жизнь, все обиды, смерть детей, беспросветный труд. Его переполняет гнев на несправедливость жизни. И он уже не видит, как слушает его Бог, и что золотая чаша с его добрыми делами начинает опускаться вниз. И, наконец, Бог говорит ему: «Погоди,

барахсан, ты не на земле...здесь и для тебя найдется правда. И Макар дрогнул. На сердце его пало сознание, что его жалеют, и оно смягчилось... И он заплакал. И старый Тайон (Бог. – Т.Л.) тоже плакал. И плакал старый попик Иван, и молодые божьи работники лили слезы, утирая их широкими белыми рукавами. А весы всё колыхались, и деревянная чашка поднималась всё выше и выше»<sup>2</sup>.

**Загробный мир и воспитание нравственности.** Существование упорядоченного, стабильного общества возможно лишь при соблюдении каждым из его членов определенных правил взаимоотношения с окружающими. Анализ поступков людей и их мотиваций показывает наличие целого комплекса воздействующих на их поведение факторов, которые в конечном итоге оказываются результатом постоянного подчинения человека как правовым, юридическим законам, так и внутренним побуждениям, зависящим от психологических установок каждого индивида на возможность и допустимость тех или иных поступков. Земные законы формулируют и вводят в практику сами люди, чувствуя необходимость упорядочения своей жизни принудительными мерами, эффективность которых никогда не была и не может быть абсолютной; кроме того, они не предусматривают охвата всех аспектов жизнедеятельности общества. Не менее, а в определенных ситуациях более

<sup>1</sup> Смоленский музыкально-этнографический сб.: Похоронный обряд, плачи и духовные стихи. М., 2003. С. 396.

<sup>2</sup> Короленко В.Г. Сон Макара // Короленко В.Г. Собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 130.

действенными оказываются побудительные мотивы, идущие из глубин внутреннего нравственного закона человека, в наличие которого, как главного доказательства существования Бога, был уверен один из величайших философов И. Кант. В привычные для философов размышления о природе корреляционных связей мироустройства он ввел понятие категорического императива — как присущей человеку изначально способности постигать и подчиняться нравственным нормам вне зависимости от их полезности для себя. Такая способность могла прийти только от высшей разумной инстанции, каковой и с точки зрения философа, и по учению христианской Церкви является Бог. Однако последняя, признавая реальность заложенной в духовную сущность человека нравственной основы, всегда учитывала и присутствие в нем греховного начала, наличие свободной воли, уводящей от неукоснительного следования христианским нормам жизни. И потому тысячелетняя практика православия изначально постулировала необходимость наполнения всего окружающего христианина пространства, его мировосприятия и антропологических представлений сакрально-нравственными положениями, задача которых — сформировать определенный тип сознания, исключающий искажение данного человеку при сотворении «морального закона». С начала христианизации всё содержание образовательно-воспитательной деятельности церкви определялось необходимостью напоминания людям сущности корреляции Бог и человек, подразумевающей неизбежную ответственность последнего за все земные деяния, за последствия возможного отхода от указанных Богом правил земного бытия. Игнорирование этих правил, как учила Церковь, могло сказаться уже при жизни человека, но главная оценка и заслуженное воздаяние ожидало его после смерти.

Неизбежность смерти присуща человеку как данность, смиряться с которой не хочет, но вынужден его разум, отказываясь при этом воспринимать ее приход как конец существования. Смерть — единственный феномен нашего мироустройства, познать который полностью, сколь бы



Икона Страшный суд в храме с. Ленино Добрушского р-на Гомельской обл. 2011 г.

ни продвигалась наука в изучении законов бытия, у человечества нет надежды. Непознаваема сама тайна момента окончания земного существования, и тем более то, что последует за ним. Между тем человек, чье сознание пугает перспектива загробного небытия, постоянно стремился и стремится наполнить его жизнью, получить реконструкцию «жизни за гробом». Удовлетворить его желание может только религия, выводящая свою интерпретацию бытия за пределы материально-ощущаемой реальности. По словам одного из лучших аналитиков народной духовной культуры Г.П. Федотова, *«смерть есть, бесспорно, тот основной факт, из осмысления которого вырастает религия, да, вероятно, и вся культура: ибо только смерть дает возможность отделить в мире явлений непреходящее и вечное»*<sup>3</sup>. Для русских учением, осветившим темный мир умерших, стало христианство с его разработанной картиной загробного мира. Истоком этого учения послужило Евангелие, а информативный фонд с понятными народу категориями заполнился свидетельствами, основанными на сверхчувственных познаниях святых Отцов и пояснениях богословов.

Получив цельную христианскую концепцию мироустройства, Православная Церковь с первого момента своего существования направила все усилия на реализацию ее положений. Как уже было сказано в предыдущей статье<sup>4</sup>, основными направлениями на этом пути были воспитание и

<sup>3</sup> Федотов Г.П. О смерти, культуре и числах // Лицо России. Paris, 1988. С. 324.

<sup>4</sup> Листова Т.А. Грех и наказание в государственной политике, церковной практике и народной религиозности // Традиции и современность. М., 2015. № 17.

наказание мирян. В самом общем виде концепция церковной программы базировалась на следующем положении: за гробом человека ждет вечное существование, качество которого будет зависеть от его поведения во время земной жизни. Постоянное развитие богословских идей наполнило грядущее будущее подробностями, предусматривающими рефлексии божественного мира на каждое деяние и даже намерение человека от рождения до момента смерти.

Загробное существование в трактовке Православной Церкви условно можно разделить на три этапа пространственно-временного перемещения покинувшей тело души. Первый – вертикальное движение души с прохождением испытаний и оценкой земного поведения человека, что в церковной культуре понималось как частный суд. По решению этого суда душа помещается в заслуженное ею место и находится там до второго пришествия. И третий этап – окончательное ее осуждение и безвозвратное пребывание в месте, определенном Богом. Такова общая схема загробного путешествия души, разработанная Отцами Церкви, кульминацией которой стал Страшный Суд. Со Страшного Суда началась история православия в русской земле, поскольку, как свидетельствовал Нестор, его изображение было принесено греческим философом к Владимиру Святому и стало одним из сильнейших факторов обращения его в христианскую веру<sup>5</sup>. Этот образ развернул всю систему осмысления жизни язычников-славян, дал им новый тип религиозного мышления, наполненный христианскими смыслами. Напомню, что христианство пришло на русские земли к людям с религиозным, иррациональным типом восприятия действительности, для которых речь шла о перемене религиозной системы, восприятию новой истины, но не об отрицании самого факта существования высших, не зависящих от человека сил. Принесенный христианством образ сияющего в конце существования нашего мира Творца и высшего Судии, виртуальный для атеиста и абсолютно реальный для верующих, был безоговорочно воспринят народом как вершина его бытия. Высший Суд воспринимался как неизбежный факт – и пугающий, и дающий надежду, которого боялись и одновременно ждали как наступления справедливого Царства Божия. И ни один человек не мог надеяться на сокрытие своих грехов от будущего суда. О значении и причинах успешного усвоения народной религиозно-

стью картины будущих наказаний исследователь древнерусской культуры Ф.И. Буслаев сделал следующий вывод: «В эпоху принятия и распространения христианства между славянами и другими северными варварами мысль об ответе на том свете и представление Страшного Суда были самыми могущественными двигателями к убеждению язычника в усвоении себе новой религии. Согласно с уголовным карательным и грозным характером древнейших законов средневековых народов, и проповедники мирного слова евангельского облакали свои убеждения в грозные и карающие образы Страшного Суда и воздушных мытарств. Как по градским законам здешний, земной суд должен был не столько примирять и миловать, сколько карать и наказывать, страхом и грозой ограждать права каждого, так и суд нездешний, загробный, мог быть представлен по преимуществу в ужасающем, страшном виде»<sup>6</sup>. Но суровая расплата за земные деяния, как уже было сказано, ожидала человека еще до второго пришествия, время которого не было открыто людям, – во время так называемых мытарств и частного суда. Если привнесенные в народ трактовки Страшного Суда в церковно-богословских кругах отличаются единообразием, то интерпретации предварительного периода в церковной литературе имеют некоторые отличия, на которых стоит кратко остановиться.

**Загробный мир и мытарства в трактовках богословов.** Учение о существовании души после смерти до второго пришествия не относится к основным догматическим положениям Церкви. Его содержательная часть, начиная с первых веков христианства, создавалась на основе записанных видений святых Отцов и их толкований. Одним из первых сочинений такого рода было Житие Василия Нового, куда входило «Хождение Феодоры по мытарствам», ставшее впоследствии одним из главных источников формирования эсхатологических представлений, а также основой для распространенного на Руси иконописного варианта Страшного суда. Это сочинение входило в некоторые церковные издания для домашнего чтения, но, в целом, большую популярность имело в народной среде, где, как отмечает Ф.И. Буслаев, ходило во множестве списков с миниатюрами не только в XVII, но и в XVIII–XIX вв.<sup>7</sup> Вновь оно стало одним из наиболее читаемых церковных сочинений с 1990-х годов, о чем см. ниже.

<sup>5</sup> Буслаев Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 194.

<sup>6</sup> Там же. С. 190–191.

<sup>7</sup> Там же. С. 191.



Учение о мытарствах постепенно вошло в богословскую концепцию русского православия, обретая четкие конкретные формулировки. *«Частный суд над душами после разлучения их с телами предваряется, по учению Православной Церкви, истязанием на так называемых мытарствах, через которые они, восходя от земли в сопровождении ангелов, проходят воздушное пространство и на которых злые духи задерживают их и обличают все грехи, совершенные ими в жизни»*<sup>8</sup>. Наибольшей выразительностью отличается описание загробных мучений у свт. Игнатия Брянчанинова (1807–1867), чьи труды оказали большое влияние на развитие богословия в России, в том числе на разработки теории загробного мира. Духовный опыт святителя помог придать особую достоверность «увиденным» им событиям, происходящим вне земного материального мира. В его описании зримо встают полчища злобных ангелов и противостоящих им светлых сил, борющихся за душу умершего. Это образ, как мы увидим в дальнейшем, полностью соответствовал народным представлениям о мистических событиях, сопровождающих наступление смерти. Как пишет святитель, *«для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведует особенным видом греха и истязает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в отеческих писаниях мытарствами, а духи, служащие в них, мытарями»*<sup>9</sup>.

Однако яркие конкретные картины перемещения души, подтвержденные иконописным сюжетом Страшного Суда и мытарств, не единственный вариант определения ее посмертного удела. Повидимому, даже в XVIII–XIX вв., при неизменной концепции наступления Страшного Суда как катаклизма, который даст начало новому бытию, появляются богословско-теоретические изыскания, отступающие от конкретизации событий загробного мира.

В качестве примера приведу рассуждения А.Т. Болотова (1738–1833) — человека, безусловно,

религиозно грамотного, в богословско-философских взглядах которого сказываются веяния «просвещенного века». Изложенная им концепция загробной жизни души — это совмещение постулатов православия с наложением рационального духа века Просвещения, т.е. желание дать основным идеям христианства толкование с позиций разума и логики. Он критикует тех, кто не верит в вечное существование души, видимо, в это время подобные идеи уже имели место. Причин отхода от одного из основных положений христианства он видит две: лица, ведущие беззаконную жизнь, предпочитают смерть души вместе с окончанием жизни, что избавит их от ответа, и второе — влияние нечистых сил. Сам же он считает существование загробной жизни и неминуемой ответственности за земную жизнь единственно логически обоснованной истиной. Причем за основу доказательства берет «свойства Божеские», т.е. воплощение в Боге высшей истины, которая не позволит тем, кто не получил заслуженных воздаяния или наказания на земле, избежать их и после смерти<sup>10</sup>. Но при этом А.Т. Болотов подчеркивает непознаваемость загробного мира: *«Мы с достоверностью не знаем и знать не можем, потому что мы о существе и о всех обстоятельствах мира духов не имеем никакого понятия или имеем, но столь малое, что оное почти ничего не значит»*<sup>11</sup>. В концепции А.Т. Болотова мы не встретим описания мытарств, он избегает конкретных обозначений мест пребывания душ, которые в христианской традиции (литературе и искусстве) определяются как Ад и Рай, при этом не сомневается в том, что «состоянию» душ *«не можно никак быть единовравному, а бесспорно подвергается и подвержено оно великому многообразию так, что состояние одних лучше, других хуже, а третьих и того хуже и так далее»* и все они отделены друг от друга<sup>12</sup>. Просветительские идеи автора сказались и в картине «окончания» мира, которое видится ему как вершина торжества христианства: *«сплотившись в единое стадо»*, все народы признают единого Бога Христа с единой, очищенной от всяких искажений верой<sup>13</sup>. Признавая неизбежность мучений души еще до Страшного Суда, он аргументирует характер и природу этих мучений, причем его точка зрения, хотя и с не-

<sup>8</sup> Преосвященный Антоний. Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной церкви. СПб., 1857. Гл. 341. С. 244–245.

<sup>9</sup> Свт. Игнатий Брянчанинов. Жизнь и смерть. М., 2007. С. 259.

<sup>10</sup> Болотов А.Т. О душах умерших людей. СПб., 2006. С. 34–37.

<sup>11</sup> Там же. С. 49.

<sup>12</sup> Там же. С. 51.

<sup>13</sup> Там же. С. 114.

которыми вариациями, становится одной из основных в работах более позднего времени. А.Т. Болотов убежден в том, что главные мучения еще до Страшного Суда будут состоять в том, что душа уходит в иной мир с сохранением всех земных пристрастий и «возжеланий». Эти возжелания *«не престают своих действий», и, более того, «начинают действовать совокупно и производить тем вящее страдание и мучение, и тем паче, что и они там не могут так же получать своего насыщения и удовлетворяемы быть», «души с благочестивыми вожделениями, будут и в загробном мире ими же насыщаться»*<sup>14</sup>.

Поскольку в основном меня будут интересовать особенности народных (крестьянских) взглядов на сущность загробного мира, не могу пройти мимо еще одного весьма спорного (вызывающего недоверие) утверждения А.Т. Болотова. Признавая сам полностью идею бесконечной жизни души, он отказывает крестьянству в аналогичном миропонимании. В статье «О незнании нашего подлого народа» он, опираясь на услышанные разговоры крестьян, приходит в ужас: последние уверены в смерти души вместе с телом или же ее переселении в животное<sup>15</sup>. Возможно, заключение А.Т. Болотова – это результат поверхностного вхождения в духовную культуру «простого» народа, поскольку, как будет показано ниже, его опровергают материалы конца XIX в. Несоответствие приведенных данных могло иметь причиной действительное улучшение катехизаторских знаний крестьянства вследствие просветительской деятельности церкви и распространении в XIX в. проповеднической практики приходских священников.

Так же видел возможность метафизического развития души в XX в. и свт. Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961). Вечное блаженство праведников и вечную муку грешников, по его мнению, надо понимать так: бессмертный дух первых, просветленный и могущественно усиленный после освобождения от тела, получает возможность беспредельного развития в направлении добра и Божественной любви, а *«мрачный дух злодеев и богоборцев в постоянном общении с дьяволом и ангелами его будет вечно мучиться своим отчуждением от Бога и той невыразимой травой, которую таит в себе зло и*

*ненависть, беспредельно возрастающие в непрестанном общении с центром и источником зла, сатаной»*<sup>16</sup>. Аналогичным образом представлял себе процессы, совершающиеся в посмертном пространстве, и автор конца XIX – начала XX в. свящ. Николай Воинов. По его мнению, со смертью тела «духовные силы души должны раскрыться еще более». Чистые души, оставившие землю с искренним покаянием в грехах, будут и за ее пределами совершенствоваться в направлении добра и любви к Богу. Напротив, «адские расположения духа» и неминуемая «смерть вечная» грозит тем, кто покинет земной мир «с одними земными пристрастиями и привычками»<sup>17</sup>. Сходной позиции придерживается и известный современный богослов А.И. Осипов. Изложенная им концепция пребывания души за гробом, которую можно расценивать как рекомендуемую в настоящее время церковью, определяет прохождение мытарств, как и первые 40 дней после смерти, не как буквальное предъявление прав на умершего со стороны бесов или чистых ангелов, а как дальнейшее испытание души. Встающие на пути возносящейся души искушения различного характера вызывают у нее ответные страсти, которые усугубляют вину и утяжеляют грядущие наказания, причем на данном этапе душевный «отклик» уже не может быть подавлен действующей на земле силой воли<sup>18</sup>.

Можно сказать, что, подтверждая в целом неизбежную расплату за грехи не только после Страшного суда, но и по определению частного суда в предшествующий период загробной жизни, современная церковь не стремится в своем духовно-просветительском окормлении мирян делать упор на конкретные меры воздаяния и характеристики мистических сил, совершающих акты правосудия. Вместе с тем нельзя пройти и мимо иного подхода к рассмотрению жизни души после смерти, существующего в современном богословии.

Один из наиболее известных богословов XX в. С. Роуз считает распространение в кругах православного священства идей, отрицающих натуралистичность прохождения душами умерших мытарств и не видящих необходимости в популяризации данного учения, следствием обучения в модернистских семинариях<sup>19</sup>. Поскольку методика и теоретические курсы в православных учебных заведениях вне нашей компетенции, то

<sup>14</sup> Там же. С. 57, 62.

<sup>15</sup> Там же. С. 19–20.

<sup>16</sup> Арх. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 1997. С. 130.

<sup>17</sup> Св. Николай Воинов. Успение или смерть. М., 1907. Изд-е Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1991. С. 19.

<sup>18</sup> Осипов А.И. Из времени в вечность: Посмертная жизнь души. М., 2011. С. 61–67.

<sup>19</sup> Стеняев О. Экзамен без права пересдачи, или как пройти мытарства. М., 2013. С. 5.

опровергать мнение уважаемого ученого или соглашаться с ним не возьмусь. Однако изучение современной религиозности и, в частности, места смерти в мировоззренческих и поведенческих установках в обществе, проходящем с 1990-х годов период второй христианизации, заставляет внимательно отнестись к неоднозначным оценкам приходскими священниками «теории мытарств» как обязательного этапа посмертного существования (о современных подходах приходских священников к содержанию религиозно-нравственного воспитания своей паствы и методах доведения до их сознания взаимосвязи земной и загробной жизни будет сказано ниже). Исключение из своей пастырско-проповеднической практики конкретного учения о воздаянии еще до Страшного Суда, к чему склоняются некоторые современные богословы и приходские священники, обусловлено не столько модернистским желанием переосмыслить церковную традицию, сколько поднять ее на уровень выше, к более философско-мистическому, непознаваемому (и не подлежащему конкретизации) видению продолжения жизни после смерти. Еще более определенно звучит критика идущей от Отцов Церкви богословской концепции смерти и, соответственно, ее включения в практику катехизации общества современной Церковью, в трудах одного из наиболее интересных ученых богословов Александра Шмемана. Он упрекает Церковь в искажении христианского учения о единстве Божьего мира, основную причину чему видит в разделении «этого» и «иного мира», который его оппоненты склонны наполнять яркими картинами посмертного существования душ умерших. По его мнению, интерес к «загробной участи» умерших до их воскресения обесмысливает христианскую эсхатологию, а занимающая столь важное место в трудах Отцов Церкви разработка картин загробного бытия до Страшного Суда является поздним включением и не соответствует литургическому восприятию смерти в христианском учении – «в подлинном предании»<sup>20</sup>. Обращение к идеологии смерти, истоки которой лежат в раннем христианстве, дает ему основание говорить о ненужности чрезмерного внимания к «промежуточному состоянию», поскольку это уводит верующего от истинного понимания акта смерти<sup>21</sup>.

Я сочла нужным уделить место концепциям загробного мира, имея в виду, прежде всего, то, что

они влияли, хотя и в разное время в разной степени, на формирование народного религиозного мировоззрения и, в конечном итоге, на обусловленность нравственных принципов верующих картиной посмертного существования. Как источник информации и воздействия на массовое сознание, они вошли в церковные песнопения, употребляемые на богослужениях, а также в жития святых<sup>22</sup>. К сожалению, в моем распоряжении нет каких-либо данных о том, какое место в сложении образов загробной жизни у русских занимали проповеднические беседы священников, известно, что до XIX в. церковная проповедь на приходах не была распространена.

**Источники народных представлений.** Святоотеческие писания и их дальнейшие разработки были, в свою очередь, одним из источников сложения целого свода фольклорных религиозных текстов, привносящих в народное сознание христианские законы ответственности перед Богом, дающие развернутые картины наказаний за неисполнение его заповедей. Я имею в виду духовные стихи, знакомящие слушателей из народа с самыми разными сюжетами христианской истории с обязательным благочестивым контекстом, уделявшие огромное внимание греховным склонностям человека и последующей расплате за них. Эти устные произведения нельзя безоговорочно считать отражением народных воззрений<sup>23</sup>. Но их популярность в народе, характер восприятия и сохранение в памяти показывают, что стихи были одновременно и источником знаний событий христианской истории с соответствующей нравственной оценкой, и отражением духовных исканий русских, и действенным фактором воспитания верующих.

Один из наиболее любимых сюжетов исполнителей стихов – страшные картины второго пришествия и осуждения грешников. В мою задачу не входит их подробное рассмотрение, в данном случае целесообразно апеллировать к исследованию Г.П. Федотова, давшего наиболее глубокий анализ содержания и идейной направленности духовных стихов. По его словам, «*в центре эсхатологической поэзии стоит Страшный Суд с его трагическим диалогом, прототип которого дан в Евангелии. Весь пафос стихов, вся трагическая красота их – в мрачном и безысходном конце... Райские наслаждения с трудом*

<sup>20</sup> Шмеман Александр, прот. Литургия смерти и современная культура. М., 2013. С. 16.

<sup>21</sup> Там же. С. 155.

<sup>22</sup> Посмертные мытарства души и Страшный суд божий: Древние и современные свидетельства. М., 2000.

<sup>23</sup> Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 15.



поддаются художественной конкретизации: это неизбежно обедняет все изображения Рая в христианском искусстве»<sup>24</sup>. Свод духовных стихов огромен, я приведу лишь несколько текстов из собрания П.А. Бессонова в качестве иллюстрации к характеристике Г.П. Федотова. «Где на суде Бог Сам сядет / Книги будут отворена / Дела будут обличена»; «Нам несть ныне и милости / От всех Творца-Создателя! / Никто же нас помилует, / Идем во тму кромешную» «На престолах книга раскроется / А и наши грехи объявитца / Нельзя нам грешным / Грехов потаить». Принимая к себе с радостью тех, кто жил по заповедям и творил добро, Господь с гневом отсылает от себя грешников: «Отыдите прочь, проклятые / Во пропасти земляные / Огни вам горят негасимы / Смола кипит вам неутолима / Черви гомызят вам неусыпающие»; «Отыдите от Мене проклятии / Во огонь, в муку, в грехах нечистые / Там будет плач и скрежет зубный / Во веки веков тартар преисподний»<sup>25</sup>.

Описаниями страшных мучений, ожидающих грешников за гробом, были наполнены и имевшие широкое хождение в народе тексты апокрифического характера. Один из наиболее известных – «Хождение Богородицы по мукам». В качестве примера приведу отрывок одного из вариантов молитвенного текста «Свиток Иерусалимский», записанный собирателями в конце XIX в. у крестьян Псковской губ. В данном случае безымянные авторы не только призывают читателей помнить о грядущей расплате за несоблюдение христианских норм, но одновременно называют богоугодные дела, обладавшие, как будет сказано ниже, высоким статусом в крестьянской шкале благочестия. «О возлюбленные люди мои, последнее вам от меня написание и учините и поступайте мене, учите заповеди моя и закон мой, по истине творите дни ваши, и Престол мой на Господен на суд живых и мертвых готовится, и судные книги разгибаются, и все ваши дела тайные злые избличаются ... друг друга любя милостыню им подавайте, босых приодевайте, странных в дома свои вводите... смертное убийство воспрещайте и прелюбодеяния не творите»<sup>26</sup>.

Описывая неизбежное будущее каждой ушедшей из земного мира души, и Отцы Церкви, и



Памятник чернобыльцам в г. Калач  
Воронежской обл. 2016 г.

богословы, уделявшие и уделяющие огромное внимание тематике загробной жизни, и авторы и исполнители духовных стихов, и иконописцы, чьими трудами мирской народ зрительно постигал ожидающие грешников наказания, имели совершенно определенную благую цель. Наполняя ужасом душу верующего человека, они хотели и хотят тем самым спасти его, предупредить о том, что земная жизнь – лишь краткий испытательный этап, за каждый миг которого придется ответить, и тем самым не дать уклониться ему в сторону зла. «Святая церковь в своих песнопениях возвещает и напоминает чадам своим учение о мытарствах, чтобы насеять в сердцах их душеспасительный страх и приготовить их к безбедному переходу из временной жизни в вечную»<sup>27</sup>.

<sup>24</sup> Там же. С. 105–108. Среди основных источников духовных стихов, кроме Евангелия, он называет творения Отцов Церкви и апокрифы.

<sup>25</sup> Бессонов П. Калеки переходные. М., 1863. Вып. 4. С. 69, 119, 171, 79, 103.

<sup>26</sup> Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 6: Псковская губерния. С. 294.

<sup>27</sup> Загробная жизнь. Размышления о кратковременности здешней жизни, о смерти и о вечной жизни. М., 1898. Пер. М., 1994. С. 55.

В данном случае можно чуть подробнее остановиться на характеристике понятия «страх божий», занимавшего столь важное место в формировании нравственного закона православного населения. Это понятие часто употребляется в священных книгах христианства, разработке его уделяли большое внимание Отцы Церкви. Приведу отрывок из размышлений свт. Игнатия Брянчанинова: *«Чувство страха перед Богом есть одно из возвышенных чувств, которые доступны христианину... Чувство страха перед Богом, равное глубочайшему благоговению перед Ним, возникает у каждого христианина при размышлении о необъятном величии Существа Божия и при сознании своей ограниченности, немощи и греховности»*<sup>28</sup>.

Насколько можно судить по этнографическим материалам, первая часть данной характеристики лишь до некоторой степени отражает соотношение человека и Бога в мироощущении всех последователей православия. Выражение «Бог в душе», вызывающее возмущение некоторых пастырей церкви, когда речь идет о далеких от церкви наших современниках<sup>29</sup>, для верующих людей прошлого имело более весомый смысл: это постоянная сопричастность Бога земной жизни и необходимость соизмерять свои поступки с заповедями христианства. Зато вторая часть определения святителя полностью соответствует восприятию Бога обычным мирянином. Выражение «страх божий», вошедшее в качестве идиомы в русский язык, и сейчас употребляется в ситуации, вызывающей максимальный ужас у говорящего. Истоки подобной семантики данной формулы надо искать в уверенности верующих во всемогуществе Божьем. Именно его гнева (более, нежели происков нечистой силы) боялись верующие люди. Во власти Бога было защитить человека в любой ситуации, но от проявлений его гнева защитников не было. Лейтмотив любой молитвы, начиная с самой короткой — «молитвы мытаря» — это обращенная к Богу просьба о помиловании. Но именно уверенность в возможности Божьего наказания (как и Божьей милости) делала человека, с точки зрения народа, подлинным христианином. Как говорили: «В ком есть страх, в том и Бог»<sup>30</sup>.

Имея в виду религиозное просвещение мирян, постепенное преобразование данного им христианского кодекса поведения в ментальную внутреннюю установку, Церковь использовала весь имев-

шийся в ее распоряжении арсенал мер воздействия, среди которых учение о загробном мире, о неподкупности Божьего суда занимало едва ли не главное место. К XIX в., т.е. к тому времени, когда начался массовый сбор материала о духовной жизни народа, прежде всего крестьянства, церковное просвещение уже не столь активно стремилось использовать максимально «зрелищные» картины загробных мучений, полностью сохраняя идею всеобщего Суда и расплаты за грехи. Осторожность в привнесении мистической реальности в картины загробного мира, как и в целом в функционирование веры, была вызвана опасением отхода народной религиозности в мир суеверий.

Как мы видим, на протяжении многих веков верующие находились под воздействием информационных источников разного типа, но с единой идеологической установкой. Духовные стихи, рисуя картины адских мучений, отвергали сетования грешников на незнание христианских истин, вкладывая эти упреки в уста самого Господа: *«Помилуй нас, Судия страшный / Сам Иисус Христос! / Не знали мы про то — не ведали / В чем нам был грех, в чем спасенье! / Господи грешным глаголе: / рабы вы грешные окающиеся! / Как вам не знать было — не ведати? / Были вам книги созданы / В книгах было написано, / По чем душу спасать / По чем в рай взойти»*<sup>31</sup>.

**Греховность и благочестивость земного поведения с точки зрения рефлексии загробного мира.** Таким образом я кратко охарактеризовала содержание той базы сведений, на которой строилась народная религиозность, являвшаяся главным регулятором в выборе линии поведения православного человека. Этнографические материалы позволяют рассмотреть, как и каким образом сказывались религиозные установки, прежде всего связанные со смертью и образами загробного мира, в реальном поведении народа, какие христианские постулаты обладали особо высоким статусом в народной шкале ценностей. В статье в основном используются материалы, касающиеся религиозных представлений крестьян. Это обусловлено наличием достаточно репрезентативного корпуса источников, прежде всего, возможностью использовать данные Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, относящиеся к концу XIX в. Кроме того, как уже неоднократно было доказано в этнографических исследованиях, именно в среде

<sup>28</sup> Свт. Игнатий Брянчанинов. Код доступа: azbuka.ru/o-straxe-bozhem

<sup>29</sup> Кураев А. Дары и анафема. Что христианство принесло в мир? М., 2004. С. 132.

<sup>30</sup> Бурцев А.Е. Народный быт великого севера: Пословицы. СПб., 1898. Т. II.

<sup>31</sup> Бессонов П. Указ. соч. С. 243.



крестьян наиболее устойчиво сохранялись традиционные устои, что позволяет зафиксированные у них культурные особенности рассматривать как этническую специфику. При рассмотрении аналогичных сюжетов в их современном варианте также будут привлечены сведения, собранные автором в сельской местности и небольших городах за период с 1990-х годов.

Корреспонденты Этнографического бюро при составлении анкет обращали внимание на самые различные аспекты жизнедеятельности населения русских деревень, имевших как прямое, так и опосредованное отношение к интересующей меня теме. Это время отличается определенной спецификой, что делает имеющиеся сведения особенно интересными для анализа. С одной стороны, как убедительно свидетельствуют все материалы бюро, религиозность в это время остается основой мировоззрения русских сельчан, а, следовательно, сохраняются и ставшие традиционными подходы к восприятию событий своей жизни и жизни своего социума. Этот факт можно считать основным с точки зрения степени эффективности влияния христианской системы «жизни после смерти», рассчитанной на заведомо иррациональный тип мировосприятия. С другой стороны, вторая половина XIX в., тем более рубеж XIX–XX вв. — это период активного проникновения в крестьянскую среду рациональных и даже атеистических настроений, подъем общеобразовательного и катехизаторского просвещения. Данные процессы способствовали расширению кругозора крестьян, одновременно ощутимо усилился индивидуальный, субъективный фактор в трактовке взаимосвязей видимого и невидимого мира. Однако на основе имеющихся данных можно говорить о существовавшем еще достаточно единообразном мировоззрении крестьянства. При рассмотрении изложенных ниже материалов я постараюсь показать, как и насколько христианские идеи жизни и смерти, а также образы загробной жизни определяли культуру поведения православного населения России.

**Нравственные аспекты ухода из жизни и похорон.** Чувство приближения смерти, ожидание момента перехода в иное измерение страшит как атеистов, так и верующих. Первых — как наступление небытия, которое не в силах ни постигнуть, ни смириться с ним даже рациональный ум. Вторые — в ожидании перехода в мир, где их судьбу будут решать уже мистические силы, где могут реализоваться предсказанные их верой

апокалиптические картины наказания за земные грехи. Персонажи мистического происхождения, которыми христианство наполнило пространство земного человека, стали неотъемлемой составляющей его восприятия и осмысления действительности. Противоборство темных и светлых сил, постоянно соучаствующих в жизни верующих, началось с момента рождения, и концом могло иметь только наступление второго пришествия. Эти образы можно отнести к наиболее константным в религиозных представлениях русских. В течение жизни активность каждой из мистических сторон могла зависеть от поведения самого человека, но особую интенсивность она приобретала при его кончине. И по учению церкви, и по мнению крестьян за покидающую тело душу шло настоящее сражение ангелов и бесов, которое продолжалось и далее, в течение прохождения мытарств. Не только результат их борьбы зависел от степени греховности умирающего, но и сам процесс мистического расставания двух ипостасей человека. Как писал свт. Игнатий Брянчанинов со ссылкой на блж. Феофилакта, *«немилостивые мытари-ангелы страшно и насильно исторгают душу грешника. Душа праведника не исторгается из него; он, радуясь и веселясь, предаёт дух свой Богу и Отцу»*<sup>32</sup>. Этот сюжет истоком своим имел евангельскую притчу о двух Лазарях и получил развитие в духовных стихах, имевших большую популярность и в народе, и в изобразительном искусстве<sup>33</sup>. К бедному Лазарю посылает Господь *«святых ангелов тихих и смирных, двух милостивых»* и вынимают они *«душеньку... честно и хавально»*, у богатого же Лазаря душу вынимают ангелы *«грозные, страшные»* и сажает ее на *«востро копьё»*<sup>34</sup>.

В момент ухода из жизни смерть явит себя человеку, и, по мнению крестьян, вид ее ужасает умирающего. Но и в данном случае грешник и праведник могли видеть разные образы, которые указывают на будущность каждого из них. Как считали крестьяне Череповецкого у., *«чтобы переход с земли на тот свет праведным людям казался не страшен, смерть показывается им красивою („хорошую“ говорят)»*, как бы желая дать понять, что «там им будет хорошо». И, как подтверждение сказанному, рассказчик привел корреспонденту в пример свою тещу, которая «умерла тихо» и все были уверены, что она попала в рай. Напротив, молодому крестьянину с. Никольское, который последнее время перед

<sup>32</sup> Свт. Игнатий Брянчанинов. Жизнь и смерть. С. 201.

<sup>33</sup> Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 200.

<sup>34</sup> Голубина книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М., 1991. С. 123–124.

смертью дурно обращался с родителями, за два дня до смерти смерть показалась «страшной старухой»<sup>35</sup>. О реальной сакрализации пространства у тела умирающего убедительно свидетельствуют и современные материалы. В зависимости от глубины собственной религиозной восприимчивости проводящие отпевания священники, как и лица, читающие около умерших, ощущают мистическую противоречивость ситуации, обусловленную борьбой противоположных по вектору воздействия сил, активность которых зависит от благочестивости умершего. По словам одного из монашествующих священников, «*бывает тяжело отпевать, смотря какие люди. Бывают добрые старушки, всё для людей, и тогда так легко. За невоцерковленных трудно*» (о. Варнава, с. Кузмичи Ершицкого р-на Смоленской обл.). Уверенность в присутствии ангела и беса при наступлении смерти и желание обеспечить своему близкому переход в иной мир под защитой чистых сил становились причиной действий, которые можно отнести к числу народных поверий, основанных на буквальном восприятии образов мистического мира. Так, крестьяне Новгородской губ. считали, что пространство избы делится в соответствии со статусом каждого персонажа невидимого мира. Поэтому «*в летнее время открывают ближайшее к умирающему окно, чтобы ангел мог вылететь с душой*», не проходя задней половины избы, где находится бес, не вступая, в таком случае, «*в борьбу с дьяволом*»<sup>36</sup>.

Смерть как акт перехода вызывала двойственное чувство у верующих людей. С одной стороны – печаль от расставания с родными и страх перед будущим. «*Народ верит в загробную жизнь, но не знает, что смерть, по учению церкви, есть переход в лучшую жизнь*»<sup>37</sup>, *знает лишь, что “на том свете за всё отвечать придется” разными мучениями в Аду, и страшно боится смерти. Желая знать, будут ли отдале-*

*ны предстоящие страшные мучения хотя на один сей наступающий год, крестьяне около нового года прибегают к гаданиям, хотя и говорят, что “все под Богом ходим”, что “смерть закрыта от нас”, что “рубашка к телу близко, а смерть еще ближе”*»<sup>38</sup>. С другой стороны – несомненно ощущение значимости, сакральности грядущего чуда своего преображения и вступления в Царство Божье. Исполняемые и сейчас поминальные стихи доносят до нас традиционное восприятие смерти: «*Вот скоро настанет мой праздник / Последний первый мой пир / Душа моя радостно взглянет / На вечно покинутый мир / Умоют меня и причешут / Заботливой нежной рукой / И новое платье наденут / как будто на праздник большой*» (д. Огородня Кузминичская, Добрушского р-на Гомельской обл. 2006)<sup>39</sup>.

Смерть, как верили многие русские люди, разрывала земное и загробное существование, но не нарушала общность живущих на земле и уже ушедших людей, предполагавшую воссоединение их после смерти, что облегчало уход из жизни. Как писали: «*Умирающий всегда обнаруживает твердую веру в загробную жизнь, выражая перед присутствующими радость по поводу предстоящей встречи с родными*»<sup>40</sup>. Условность разделения единого Божьего мира в представлении верующих сказывалась в различных обрядовых действиях похоронного цикла и комментариях к ним. К таковым относится распространённый на западе России и в Белоруссии обычай кидать вслед за гробом зерно. «*Вслед посыпают зерном. Кажется, зерно прорастает в другой мир. Уже там будет и там, уже в другом мире прорастает*» (д. Корма Ветковского р-на Гомельской обл.).

Безусловно дидактическое значение имело и представление о том, что за свои грехи придется отвечать не только самому, но и малолетним детям. Грехи родителей не дают безгрешным мла-

<sup>35</sup> Русские крестьяне... СПб., 2009. Т. 7, ч. 3: Новгородская губ., Череповецкий у. С. 198.

<sup>36</sup> Там же. С. 378.

<sup>37</sup> Автор несколько ошибается, считая, что Церковь гарантирует благополучное будущее: лейтмотив учения, которое много веков воспринимали православные люди – это ответственность за свои поступки на земле.

<sup>38</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 3. С. 375.

<sup>39</sup> Элемент праздничности в восприятии смерти сказывается и в терминологическом определении календарных поминальных дней в народе как *праздников*, т.е. дней, наполненных торжественной сакральностью.

<sup>40</sup> Русские крестьяне... СПб., 2007. Т. 5, ч. 1: Вологодская губ. С. 113–114. Источником подобных воззрений могло быть как естественное желание человека обрести заново своих родных, так и информация, идущая от Церкви. Эта тема звучит, например, в проповедях известного в первой половине XIX в. проповедника прот. Родиона Путятина, старавшегося сделать свои объяснения максимально понятными простым мирянам. На извечно волнующий людей, потерявших своих близких вопрос – встретятся ли они вновь, проповедник дает положительный ответ. Аргументы его таковы: Бог не открыл этого в своем Откровении, но дал понять. «Если мы бессмертны, то после смерти будем жить и естественно будем жить со своими с родными, с близкими нам по душе, по мыслям, по чувствованиям». Проп. 167. Код доступа: [azbuka.ru/propovedi/propovedi/protoireya-rodiona-putytina.shtml](http://azbuka.ru/propovedi/propovedi/protoireya-rodiona-putytina.shtml)

денцам уйти спокойно в иной мир. *«При умирании дети очень мучаются – за грехи родителей»*<sup>41</sup>. Избавлению от мучений способен был помочь только традиционный для народной религиозной культуры акт – благословение, смысл которого – привлечь благодатные возможности небесных сил на помощь своим охранным действиям. *«“Долго маются”, по народному мнению, некоторые дети за грехи родителей, “двужилые” люди и еще колдуны. Чтобы прекратить мучения маленького, родители должны благословить его – взять икону, осенить себя крестным знаменем, приложиться к иконе, а потом, поставив ее на лоб умирающему, повернуть три раза крестообразно и дать ему поцеловать, то есть приложить к его губам»*<sup>42</sup>.

В народных представлениях, связанных со смертью, превалирует, безусловно, страх – перед Божьим гневом, перед его справедливым всезнающим судом. Эту идею приносила Церковь, но особенно красочно она звучала в духовных стихах и иконах. Тему любви, т.е. основы данного людям божественного закона, нельзя назвать определяющей в религиозно-этических представлениях народа и его реальном поведении. Точнее, она присутствовала как религиозная идея, как надежда на милость Божию и, конечно, как ответная любовь православного человека к Богу (как и ко всем святым силам). Любовь Бога к человеку, по мнению народа, выражена, прежде всего, в его милосердии, в желании направить каждого на путь осознания своих грехов с тем, чтобы исключить их повторение. Как говорят в народе, «после смерти покаяния нет»<sup>43</sup>, но милосердие Божье сказывается в том, что он дает возможность еще при жизни покаяться в своих грехах и рассчитывать в таком случае на прощение, или хотя бы облегчение своей участи. С такой точки зрения рассматриваются и болезни: физические страдания, как и любые страдания в христианской трактовке – это приближение к Богу. Эту искони присущую русской религиозности идею и сейчас доносят священники до своей паствы: *«Господь, бывает, дает человеку поболеть, чтобы его очистить. Это такая*

*милость Божья. Поболеешь, зато там с Богом будешь»* (о. Варнава, с. Кузьмичи Ершицкого р-на Смоленской обл.).

За многие века своего существования Православная Церковь разработала практику покаяния, учитывавшую все многообразие возможных грехов. Ежегодная исповедь стала частью дисциплинарной деятельности православного государства, заботившегося вместе с Церковью о душах своих граждан. Со временем понимание значимости признания своих грехов и их отпущения для благополучия земной жизни и тем более при переходе в мир иной сделало ее не только обязательной нормой, но и потребностью православного населения России. Современному секуляризованному обществу даже трудно представить, насколько важна была исповедь для верующего населения, насколько глубоко она вошла в народное сознание и поведенческую практику, тем более в допетровский период. Высшим надругательством над человеком было лишение его возможности исповедаться перед смертью, а затем достойно, с церковным проводом, уйти в загробный мир. Именно такие деяния совершали не ведавшие страха Божия опричники: *«Иван Грозный и опричнина – убивали внезапно, чтобы не успел покаяться. Разрубали тела, кидали собакам, лишали поминовения – чтобы лишить надежды на благо загробного мира»*<sup>44</sup>.

О спасительной функции исповеди напоминали русскому человеку духовные стихи: *«Горе человеку умереть без покаяния, / Обезотца без духовного Сповідать бы человека своих тайных грехов / Заузрит человеке на образ / Создатель человека любит с милостью, / Приемлет рыдание, слезы горячие / Спокрывает грехов множество»*<sup>45</sup>. Духовные стихи предостерегали: неисповеданные грехи отдадут душу умершего прямо в руки демонов: *«Горе человеку умереть без покаяния / Придет смерть без милости / И возьмут душу аггелы немилостивые»*<sup>46</sup>.

Совершенное умирающим таинство покаяния отчасти снимало ужас перед переходом в загробный мир. Как отмечали, «представле-

<sup>41</sup> Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском у. Ярославской губ. // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1980. № 3–4. С. 99.

<sup>42</sup> Русские крестьяне... Т.7, ч. 3. С. 378.

<sup>43</sup> Однако обряд проводов умершего мог включать сюжеты, демонстрирующие убежденность в том, что его душе предоставлена возможность каяться и просить прощения у людей и Бога до последнего мига своего пребывания на земле. Так, по обычаю жителей Наровлянского р-на Гомельской обл. похоронная процессия по дороге на кладбище три раза останавливается, и ее участники обмениваются репликами: «Душа просит прощения» – «Хай Бог простить». Третий раз это происходит перед кладбищем. (2015.).

<sup>44</sup> Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 333–335.

<sup>45</sup> Бессонов П. Указ. соч. Ст. 481.С. 158.

<sup>46</sup> Там же. С. 142.



ние о наказании за грехи вызывает в больном страх. В этом случае окружающие стараются вселить в умирающего надежду, говоря о благодати Божьей, очищающем значении исповеди и т.д. На исповедь больной соглашается охотно и после нее чувствует себя легче. Над состоятельным больным совершается соборование»<sup>47</sup>. Но и церковь, и духовные стихи напоминали человеку, что покаяние в своих грехах — это возможность, данная лишь при жизни. «Не есть во плоти моление, / Не будет в смерти покаяния»<sup>48</sup>. Еще в более наглядном варианте этот установленный Богом порядок показан в популярном в советское время и до сих пор религиозном тексте эсхатологического содержания «Писание за Веру» (Оно же «Сновидение Веры»). Больная и мучающаяся от обид окружающих женщина попадает с помощью святых в воздушное пространство к звездам, где «Царица небесная» показывает ей «небесную церковь» и поясняет ее отличия от земной: «Чаши на престоле нет, панихиду не служат. Богородица говорит: “Здесь этого не нужно, после смерти покаяния нет”» («Писание за Веру, что произошло в 1962 г. в Одесской области». Запись в с. Архангельское Милославского р-на Рязанской обл.).

В соответствии с этими представлениями вела себя и семья умирающего: не обеспечить его возможностью совершить исповедь, признать свои грехи и показать, хотя и запоздалое, стремление к добру — значило взять бремя ответственности перед Богом на себя и лишиться своего ближнего надежды на милостивую встречу за гробом. Повышенное чувство долга у крестьян в таких случаях отмечали корреспонденты Тенишевского бюро. «Стараются по возможности исполнить желания умирающего — дать поесть или попить то, что захочет... и соблюсти налагаемые народными обычаями формальности и суеверные действия, и, главным образом, заботятся о том, чтобы больной не умер без причастия, и ни позднее время, ни дурная погода, ни безотложная работа не остановят крестьянина от поездки за священником для напутствования умирающего»<sup>49</sup>. С этими же представлениями, т.е. с уверенностью в том, что каждому человеку необходимо исповедаться перед смертью и нель-

зя лишать его этого права, связано и отношение к убийству. Как считали, кроме отнятия чужой, данной Богом жизни, убийца, как и упомянутые выше опричники, насильственно отнимал у убитого право покаяния, и грехи убиенного оставались неисповеданными. Вина за это падала на убийцу, который впоследствии «должен всю жизнь каяться и молить бога о прощении как своих грехов, так и грехов убитого»<sup>50</sup>.

Нравственные нормативы, игравшие очень важную роль в отношениях русских к смерти как переходу в иной мир, где требовалось предстать перед Богом максимально очистившимся от всех греховных помыслов, а к этому стремился каждый верующий, предписывали не только раскаяние в своих грехах, но и облегчение души от груза собственных обид. Только такой принцип поведения соответствовал христианскому учению о прощении и полностью освобождал душу от зла. Следование этому принципу становится очевидным из описаний ситуаций в крестьянском доме, где собирались родные и односельчане для прощания с умирающим. «При умирании старика... кладут под образами... собирается народ... некоторые вздыхают и крестятся; но говорят тихо, ходят на цыпочках. Разве какой-нибудь старик, ровесник лежащему под святым углом, осмелится подойти к нему и заговорить громко: “Что, брат старик, умирать собираешься? — и, не дожидаясь ответа, прибавляет, — пора, пора...пожили мы с тобой на белом свете, надо и честь знать.. Всем ли ты распорядился, всех ли простил? Смотри, не уноси греха с собой”»<sup>51</sup>. Вместе с тем, согласно общерусской православной традиции, умирающий должен был сам попросить прощения — у Бога и у всех окружающих, особенно своих близких, для того, чтобы оставшиеся на земле чьи-то обиды не усугубляли его мучения в загробном будущем. Это касалось и материальных обязательств, что обычно подчеркивается в источниках, ведь неопределенность в этих вопросах могла привести к бесконечным спорам и обидам. Чувствуя приближение конца, хозяин, как писали в источниках, делал общие хозяйственно-экономические распоряжения домочадцам. Но «прежде всего, умирающий расплачивается с долгами, если они есть, чтобы не унести с собой»<sup>52</sup>.

<sup>47</sup> Русские крестьяне... СПб., 2007. Т. 5, ч. 1: Вологодская губ. С. 113–114.

<sup>48</sup> Бессонов П.А. Указ. соч. С. 171.

<sup>49</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 3. С. 377.

<sup>50</sup> Бондаренко В.Н. Очерки Кирсановского у. Тамбовской губернии // ЭО. 1890. № 3–4. С. 74.

<sup>51</sup> Русские крестьяне... СПб., 2009. Т. 7, ч. 2: Новгородская губ. Череповецкий у. С. 426.

<sup>52</sup> Русские крестьяне... СПб., 2007. Т. 5, ч. 1: Вологодская губ. С. 113–114.

Наступление смерти одного из членов социума приобретало значение события, высвечивавшего лучшие характеристики крестьянского общества, к которым относились чувство общности и взаимопомощь. Попрощаться с умирающим, проводить его в последний путь, оказать материальную и моральную помощь семье при похоронах и поминании — эти действия рассматривались как нравственный долг. Соблюдение их стало одной из наиболее устойчивых традиций русских, сохраняющих в сельской местности свою обязательность до сих пор. Несоблюдение религиозно-нравственного обычая осуждалось деревенским окружением. И главное, как постоянно напоминали духовные стихи, в свое время в загробном мире неуважение к чужой смерти будет отнесено к разряду тяжких грехов. На Страшном Суде лицам, безразличным к чужой смерти, будет напомнено: «У мертв тела не сиживали / И мертв тела не проваживали / Возлюбим мы нищих / Проводим мы мертвых»<sup>53</sup>; «По пути ходящим теплом неогревал / Во гробе лежащих не провожал»<sup>54</sup>. Исполнение долга перед умершим стало органичной частью общежития крестьян, поддерживая заодно социально-экономическую стабильность всего деревенского сообщества. По информации источников, крестьяне, навещая умирающего, сразу обещают хозяевам: «Кликни: “пособим”... И, действительно, и помогут и уклонятся не только от вознаграждения или угощения, а даже от простой благодарности. Когда хозяйка со слезами говорит: “спасибо”, ей отвечают: “не на чем, и с нами может случиться”»<sup>55</sup>.

Нравственное значение похоронных обычаев у русских не ограничивалось помощью пострадавшей семье. Связанные со смертью традиции предписывали сохранение памяти предков, что гарантировало неразрывность исторической памяти, а, следовательно, и собственной идентичности. Могилы предков становились сакральным местом, они постоянно напоминали о прошлом и не давали прерваться преемственности между уже ушедшими жителями и их потомками. Нарушение этических норм вызывало не только осуждение в обществе. Напоминание о своих корнях, о покинутой малой родине могло прийти и со стороны нематериальных сил. Рассказы на эту тему показывают устойчивость традиционных представлений о про-

тивостоянии чистых и нечистых сил и их вмешательстве в жизнь человека. Так, собирателю истории и фольклора в Брянской обл. В.Д. Глебову местный шофер поведал о том, как ехал «мимо заброшенной деревеньки, вплотную к кладбищу... и перебежала дорогу — то ли человек, то ли чудище». Аналогичные видения были и у других шоферов. После обмена впечатлениями водители пришли к следующим выводам: «Одни считают: темное это место, проклятое. Другие утверждают, что нельзя, мол, бросать обжитые места: потому они политы и намолены предками. Вот святая сила и карает за утерю родины и веры. А я так думаю: нет в этих суждениях противоречия. Вот перестают люди посещать могилы предков — оттого темная сила и буйствует. Нами возмущается»<sup>56</sup>.

**Загробный мир.** Как же представлял себе русский человек загробный мир? Прежде всего — это пространство, куда попадают души умерших. Категория «душа» — центральная для концепции жизни после смерти и эсхатологических представлений православного народа. Дихотомическое деление человека — т.е. наличие в нем материального тела и данной от Бога души, их единство и постоянное противоборство — таковы факторы, определяющие, согласно и церковной, и народной антропологии, его бытие на земле. Анимистические представления русских, как, практически, и все представления о человеке и сверхъестественных, мистических силах, сформировались как логическое развитие постулатов Церкви, разрабатываемых лучшими умами христианского богословия и средневековыми книжниками. Огромное значение имела и популярная на Руси апокрифическая литература. Из многочисленных бесед с крестьянами корреспондент Тенишевского бюро из Калужской губ. сделал следующий вывод: «Мне ни разу не приходилось слышать о том, что такое душа и где она обитает в человеке»<sup>57</sup>. Но я не знаю ни одного крестьянина или крестьянки, которые бы не верили в существование души и в бесконечную жизнь за гробом»<sup>58</sup>.

В отличие от смертного тела, душа, как верили крестьяне, продолжала свое существование в загробном мире, где ее участь определяли высшие силы в зависимости от поведения человека при жизни. Именно такое понимание сущности чело-

<sup>53</sup> Федотов Г.П. Указ. соч. С. 87.

<sup>54</sup> Бессонов П. Указ. соч. С. 69.

<sup>55</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 3. С. 376.

<sup>56</sup> Глебов В.Д. Былички и бывальщины. Суеверные рассказы Брянского края. Брянск; Орел, 2011. С. 362.

<sup>57</sup> На этот счет, как показывают материалы из разных губерний, могли существовать разные точки зрения.

<sup>58</sup> Русские крестьяне... СПб., 2005. Т. 3: Калужская губ. Жиздринский у. С. 137.

века, убежденность в существовании души, забота о ней обуславливали формирование и соблюдение нравственных законов поведения в земной жизни.

В народных представлениях, кроме основной ипостаси — жизненного начала, душа исполняла и функцию некоего духовно-нравственного камертона, позволяющего человеку оценивать нравственность и своих, и чужих поступков. Для характеристики понятия душа в культуре русских наиболее подходит определение психотерапевта Д. Хиллмана: душа — это «место или голос Бога внутри»<sup>59</sup>. И таковая функция была обеспечена её небесным происхождением. За многовековую историю церковь создала многоступенчатый цикл похоронно-поминальных служб, призванных позаботиться о душе после смерти, а народ дополнил их разработанным до мелочей ритуалом проводов человека, в котором обе его субстанции — телесная и духовная были окружены многочисленными обрядово-магическими действиями. Вкрапление в них элементов нехристианского характера не меняли смыслового содержания и сопутствующей символики, подчеркивающей православную принадлежность отправлявшегося в вечную жизнь умершего.

Были ли картины будущих мучений лишь результатом постоянного влияния церковного воспитания или стали неотъемлемой частью мировоззрения народа? Из массы сведений на эту тему, даже при некоторых отличиях в толковании крестьянами процессов и событий в мире загробном, становится очевидным, что центром их представлений о мире является вера в неизбежность всеобщего воскресения и Страшного Суда. И эта убежденность была постоянно действующим нравственным критерием, заставляющим соотносить свои поступки с требованиями христианского понятия о добре и зле. Другое дело, как определяли сроки будущего Суда, насколько его образ влиял на повседневную жизнь, и какое место ему отводилось в круге религиозных представлений простых мирян? С точки зрения известного исследователя русской культуры А.М. Панченко к началу петровских реформ Россия подошла уже с достаточно европеизированной культурой, в которой *«идея Страшного Суда превратилась именно в идею, стала чем-то “нечувствительным”, бесконечно далеким, не учитываемым в исторических прогнозах»*. В отличие от русского Средневековья, *«исторический акцент*

*переместился с вечности на землю, с прошлого на будущее, и русские люди — та их часть, которая строила или приняла новую культуру, — перестали думать о сроках светопредставления и готовиться к нему»*<sup>60</sup>. Действительно, в историческом пространстве средневековой Руси Страшный Суд, как и другие события христианской истории, обретали жизнь, становились реальностью через ежегодно повторяемые их зрелищные воспроизведения. В мясопустную неделю в Успенском соборе совершалось действие Страшного Суда с участием патриарха и царя. В завершении действия патриарх отирал губкою образ Страшного суда, что и *«было “обновлением” в древнерусском смысле, оно как бы сближало бренных людей и вечность, напоминало о том, что Страшный суд может настать в каждый миг»*<sup>61</sup>. Между тем, этнографические материалы рубежа XIX–XX вв. свидетельствуют о том, что, в отличие от умонастроений русской элиты, в мировидении крестьян, их ментальных установках образ Страшного Суда и загробных мучений не превратился в отвлеченную идею, а органично присутствовал как часть общей картины созданного Богом мира. С ним по-прежнему связывали конец земной истории, но, веря в его неизбежность, не задавались вопросом о конкретных сроках второго пришествия<sup>62</sup>. Дидактическое звучание рассказов о переходе в мир иной было обусловлено максимально выразительными картинами мучений грешников. Радостное будущее праведников не получило столь яркой интерпретации.

Собиратели этнографических данных прошлого оставили нам массу записей, воспроизводящих с фактической точностью интервью крестьян на тему смерти и жизни после смерти. Их анализ позволяет сделать следующий вывод: устойчивость эсхатологических представлений, готовность их воспринимать зависели не только от воздействия церковной культуры. Можно говорить о внутренней, даже если не всегда осознаваемой потребности верующих в постоянном напоминании самим себе о загробном будущем. То есть сохранение и воспроизведение страшных образов становилось отчасти и средством нравственного самоконтроля. Визуальным источником знаний о загробных мучениях были печатные иконописные изображения, смотревшие со стен на обитателей крестьянского дома. К концу XIX в. популярность данного сюжета несколько снизилась, что, видимо, было

<sup>59</sup> Хиллман. Д. Самоубийство и душа. М., 2004. С. 105–106.

<sup>60</sup> Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб., 2008. С. 141.

<sup>61</sup> Там же. С. 140.

<sup>62</sup> Таковые представления были больше свойственны старообрядцам.



результатом проникновения и распространения светской рациональной культуры в селе. О влиянии религиозных картин на представления народа и сложившемся у них образе грядущего Суда корреспондент из Новгородской губ. писал: «*Всё управление Ада будет сосредоточено в руках дьявола. Представление об Аде и адских муках народом, несомненно, заимствовано с картины Страшного Суда, которую и теперь можно встретить в иных крестьянских избах, а лет 25-30 назад, по словам крестьян, эта картина была почти во всяком доме. “Мы любили эту картину”, – говорит один старик: “а ныне. Вонь, покупают, где мужик на бабе дрова возит, а что хорошего”*»<sup>63</sup>. Реальность грядущего воскресения из мертвых сказывалась и на особенностях похоронных обычаев. Например, по сообщению из Вологодской губ., «*на ноги умершего одевают чулки, которые подвязываются ленточками. Последнее делается для того, чтобы скончавшийся не потерял их, идя на Страшный Суд*»<sup>64</sup>.

Но еще до Страшного Суда, как верили в народе, душе придется отвечать за земные грехи: с момента смерти человека душа попадает во власть мистических сил, определяющих ее судьбу. Теория мытарств стала обязательной составляющей народной концепции странствия души. Образные картины посмертных событий не отличались единообразием, но общей особенностью неизменно оставался устрашающий эмоциональный накал передаваемой информации. Учитывая многочисленность зафиксированных в источниках вариантов, рассмотрение которых выходит за рамки моей статьи, обращаю внимание лишь на наиболее характерные особенности.

Надежду на избавление от страшных мук возлагали на помощь своего святого помощника – ангела-хранителя, который в существующей в представлении народа системе взаимосвязи человека и мира святости был главным действующим лицом. Именно он учитывал все хорошие дела своего подопечного на земле и защищал от нападок нечистых при загробном странствии. Насколько реально верующие люди воспринимали оказываемую им помощь, видно из обращенной к Богу эпиграфии на могиле крестьянина из Олонецкой губ.: «*Прими мою молитву, пошли мне ангела свое-*

*го, хранителя моего по мытарствам проводи-теля, все мытарства проведет, двери райские отворит, место жизни мне покажет, и что на суде мне будет, скажет*»<sup>65</sup>.

В отличие от утверждения А.Т. Болотова, к числу безоговорочно принимаемых народной религиозностью истин относилась уверенность в бесконечности существования души. Как писали по этому поводу корреспонденты Тенишевского бюро, «*единственное отчетливое представление у народа о загробной жизни – это ее вечность. Там во веки веков будешь мучиться или жить хорошо, и не умрешь больше, и никакой перемены не будет*»<sup>66</sup>. Естественно, что такая перспектива тем более должна была сказываться на выборе линии поведения верующих. Далеко не всегда загробные перемещения души делили на несколько периодов, иногда мытарства и частный суд совмещали с окончательным определением места души. «*На третий день душа идет к Богу; тот окончательно решает ее участь – поступит ли она во власть ангела или беса, и если последнего, ангел окончательно отступается и назначается Богом к другому вновь родившемуся человеку, а если первого – бес отступает. На вопрос “Где живет душа до Страшного Суда?” – отозвались полным незнанием*»<sup>67</sup>. Аналогичным образом видится участь души и в поминальных стихах: у пчел спрашивают, где они были, на что следует ответ: «*А мы видели дива дивная: / Прилетели на двор да два ангела, / Узили душу, душу Анину, / Понясли душу на Страшный суд, / на Страшный суд, к самому Госпаду*»<sup>68</sup>. Соответственно и частный суд как отдельный этап остается неясным для обычного мирянина: участь умерших, с точки зрения одних, будет решать спор между ангелами и бесами, другие же считали, что и в этом случае каждый получит своё по решению Бога. Отдельные детали и уточнения добавлялись в зависимости от воображения каждого из рассказчиков. Корреспондент Тенишевского бюро из Жиздринского у. обобщил услышанные им мнения крестьян: «*Все рассказы о мытарствах есть не что иное, как переделка рассказа праведной Феодоры, помещенного в прологе. Очень немногие души удостоиваются полного блаженства до Страшного Суда. Большинство из них поселяются на небе, как*

<sup>63</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 3. С. 204.

<sup>64</sup> Русские крестьяне... СПб., 2007. Т. 5, ч. 1: Вологодская губ. С. 113–114

<sup>65</sup> Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 2. С. 40.

<sup>66</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 3. С. 203.

<sup>67</sup> Там же. С. 200.

<sup>68</sup> Смоленский музыкально-этнографический сб. С. 378.

бы в преддверии Рая. Одни из этих душ живут в прекрасном, бесконечно большом саду, наполненном душистыми цветами и красивыми плодами; другие помещаются в просторных, светлых, хорошо убранных и наполненных благоуханием горницах. Каждая из этих душ имеет свое определенное место и с другими душами может видаться и разговаривать только издали»<sup>69</sup>.

Сам процесс прохождения Страшного Суда не получил детальной разработки в народных представлениях, которые ограничиваются обычно буквальным видением взвешивания плохих и добрых дел. «Дела наши на том свете золотниками вешают и мерой меряют»<sup>70</sup>. В целом воображение верующих мирян следовало за иконописным образцом, где практически одновременно совершается суд над человечеством, тут же каждый попадает в отведенное ему место, и, стараниями бесов, начинаются мучения грешников.

Места обитания всех душ после второго пришествия в соответствии с церковной традицией делили на Ад и Рай. Картины пребывания в последнем как нельзя лучше отражали народные идеалы хорошей жизни и, конечно, должны были стимулировать следование христианским нормам при жизни. «Люди все равны, ничего никому не нужно, все вольны и беззаботны, так как там ни сеют, ни жнут, а живут подобно птицам, зимы там нет, а всегда тепло — платье не носится, и постоянно поют райские птицы и Ангелы»<sup>71</sup>. Еще одно достоинство Рая — очень желаемое для любого человека — это сохранение там привычного круга общения, в том числе и семейно-родственных отношений. По этому поводу приведу запись корреспондента из Новгородской губ.: «"Есть не будут на том свете, все будут сыты". — "А что же делать-то там будем?". — спросил я. "А уж это, что Господу угодно". Прибавляют, что все родные, попавшие в рай, будут жить "вместях"»<sup>72</sup>.

Но специфика самосознания верующих крестьян, как, впрочем, и всего русского народа, — это ощущение собственной греховности, постоян-



Рушник из музея агрогородок Ленино, Горкинского района, Могилевской обл.

ное напоминание самим себе о слабости каждого земного жителя к различного рода искушениям, неизбежно накладывавшей отпечаток греховности даже на самых благочестивых. Поэтому райское блаженство в мировоззрении крестьян приобретало несколько утопическое звучание, тогда как Ад и мучения были вполне реальны и, более того, ожидаемы. Правда, тяжесть этих мучений не была для всех одинаковой, а зависела от степени уклонения от христианских заповедей. Приведу одно из наиболее красочных описаний видения загробного мира, точнее, преображенного уже Царства Божия, после Страшного Суда. Несмотря на некоторую оригинальность данной концепции, ориентированный по вертикали образ размещения всех душ соответствовал структуре иконописного изображения данного сюжета. «После суда души поселяются в тех местах, где кому назначено. Будет построен огромный дом с бесконечным числом этажей вверх и вниз. В среднем этаже будут жить те люди, за которыми нет ни особых грехов, ни особых добродетелей, то есть ни грешники, ни праведники. Чем человек праведнее, тем его вечное поселение будет выше. Выше людей будут ангелы, а на самом верху — Бог. Чем человек грешнее, тем ниже ему будут отведены покои. Самая нижняя комната в виде необъятного котла. В этом котле огромное колесо, вращающее около оси в три года раз. Налит котел расплавленными металлами,

<sup>69</sup> Русские крестьяне... Т. 3. С. 138–139.

<sup>70</sup> АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 21. Чернский у.

<sup>71</sup> Русские крестьяне... СПб., 2009. Т. 6. Псковская губерния. С. 294–295.

<sup>72</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 2. С. 203.

а грешники купаются в этой массе. Посередине сидит сатана и радуется, созерцая эту картину мук. До Страшного суда чертей в Аду очень мало: они почти все на земле, около людей. Другие представляют Ад каким-то мрачным бесконечным пространством, обтянутым железной цепью. Для каждого рода грешников есть особые отделения и способы мук»<sup>73</sup>. О том, что иконы и лубочные картины стали основным источником представлений о мучениях в Аду, отмечали многие корреспонденты Тенишевского бюро. Так, крестьяне Псковской губ. считали, что в преисподней «черти мучают грешников; которых варят в смоле, которых жарят на сковородах, кто прямо сидит в огне вечном». «Одним словом, — заключает автор сообщения, — верят всем ужасам, нарисованным на лубочных картинках, которых редко в какой избах не встретишь у крестьянина. И посреди всех мучеников сидит Иуда на руках у самого главного сатаны и держит мешок с золотом»<sup>74</sup>.

Безусловным местом нахождения ада считали недра земли. «Ад, по словам крестьян, будет находиться под землей, там будет огромное огненное озеро, в котором постоянно будет кипеть смола»<sup>75</sup>. Это утверждение относится к основам церковного учения о Страшном Суде и его последствиях<sup>76</sup>. В течение веков Церковь, «оглашая это мнение священными песнопениями и чтениями во всеуслышание и научение верующих»<sup>77</sup>, сделала его одним из наиболее устойчивых образов эсхатологической картины мира. При этом не все великие богословы прошлого считали нужным вносить в описания будущности человечества подобную конкретику. Так, Иоанн Златоуст «не одобрял любопытства при определении местопребывания ада»<sup>78</sup>. Убежденность в том, что главные мучения происходят в подземном мире, приводила к появлению следующей ассоциации: не только в загробном, но и в земном мире самые страшные наказания могут осуществляться именно под землей. Поэтому лиц, совершивших особенно тяжкие преступления, крестьяне считали справедливым отправлять на каторгу, поскольку, как уточняет автор сообщения, «по мнению

крестьян, на каторге работают под землей». То есть в данном случае каторга воспринималась не просто как аналог, а как тот же Ад апокалипсиса, но перенесенный в земное пространство. К таковым, т.е. особо тяжким, грехам крестьяне относили, например, детоубийство. В отношении одной девки, совершившей подобное, крестьяне Ростовского у. говорили: «ее только в тюрьму посадили, на каторгу даже не сослали, а следовало бы наказать ее так, чтобы она всю жизнь белого света не видала, под землей бы работала»<sup>79</sup>.

#### Определение грехов и наказаний за них.

Под влиянием однородного по направленности и содержанию комплекса источников у верующих сложилась цельная мировоззренческая система, учитывавшая все деяния человека с точки зрения отклика на них в загробном мире. С первых веков христианства, как пишут исследователи религиозной мысли в России, «на первый план выдвигаются грехи против Бога — грехи веры»<sup>80</sup>. В соответствии с этим Церковь относил к разряду (категории) грешников не только отдельные личности, но целые народы, исповедовавшие инославную религию. Заведомо негативное восприятие представителей иной веры как представителей нечистого пространства нашло отражение в духовных стихах, где символически показывалась разная участь умерших в загробном мире. В духовном стихе о Дмитровской субботе говорится о видении князя Дмитрия Донского. Во время богослужения ему представилось Куликово поле: «Устлано поле мертвыми телами / христианами да татарами. / Христиане-то как свечки теплятся / А татары-то как смола черна»<sup>81</sup>.

С течением времени расширялся и уточнялся «реестр» грехов применительно уже к поведению каждого православного человека. Однако иновение в народной религиозности осталось по-прежнему преступлением не просто наказуемым, но и выводящим человека за грань христианского мира. «Души неправославных, неверующих в Христа, самоубийц (см. ниже. — Т.Л.) не попадают и в темное место, не ходят и по заставам: они прямо попадают в руки сатаны, в

<sup>73</sup> Там же. С. 196.

<sup>74</sup> Русские крестьяне... СПб, 2009. Т. 6. Псковская губерния. С. 294–295.

<sup>75</sup> Русские крестьяне... СПб, 2006. Т. 2, ч. 2: Ярославская губ., Ростовский у. С. 310–311.

<sup>76</sup> Например, свт. Игнатий Брянчанинов прямо писал: «Ад помещается во внутренности земли». Свт. Игнатий Брянчанинов. Жизнь и смерть. С. 165.

<sup>77</sup> Загробная жизнь. С. 67.

<sup>78</sup> Там же.

<sup>79</sup> Русские крестьяне... СПб., 2006. Т. 2, ч. 2. Ярославская губ., Ростовский у. С. 382.

<sup>80</sup> Попов А. Влияние церковного учения и древнерусской письменности на мирозерцание русского народа. Казань, 1883. С. 383.

<sup>81</sup> Там же. С. 345.



вечную муку»<sup>82</sup>. Под категорию «иноверцы» попадали все, не принадлежавшие к своей Церкви, отношение к ним могло быть разным, но в целом все они воспринимались как представители чужого, и, в разной степени, враждебного мира. Как писал исследователь жизни тамбовских крестьян В.Н. Бондаренко, «к отступникам православной церкви – еретикам, раскольникам и пр. крестьяне по обыкновению относятся недоброжелательно. Если они и не стараются их особенно преследовать, то лишь потому, что твердо уверены в неизбежности тяжелого наказания для них от Бога в будущем. ...Все иноверцы будут лишены царства Божия»<sup>83</sup>. Как свидетельствуют этнографические материалы, еще в конце XIX в. в самосознании русских крестьян религия оставалась одним из основных, если не основным фактором определения своей идентичности и соответственно деления мира людей на своих и чужих. Отсюда вытекало следующее, имевшее большое значение для отношения к иноверцам соображение: человек иной веры жил по нравственным законам другой религиозной системы и потому мог представлять опасность.

К отступлениям от своей веры, влекущим наказание за гробом, относили и нарушение правил постничества, которое за много веков христианства стало органичной частью соционормативной культуры русских и особенно строго соблюдалось в среде крестьянства<sup>84</sup>. По данным из Новгородской губ., «неисполнение поста считается среди крестьян грехом, и по их понятиям за этот грех накажет Бог. Кто нарушит пост, над ним смеются или, по местному выражению, “галятся”: “Вот ужю на том свете заставят лизать горячие сковороды”»<sup>85</sup>. Данное сообщение отражает характерные для конца XIX в. ментальные установки крестьян. Некоторые особенности современной религиозности будут рассмотрены ниже, но в данном случае интересно привести одну из сделанных во время полевых исследований записей, показывающую

смену интерпретации традиционных норм поведения, а именно: отсутствие «чувства Бога», точнее, оценки своих действий с точки зрения служения Богу, при сохранении уверенности во взаимосвязи земного и загробного мира. «Мама говорила, почему нужно поститься: когда постишься, то это доходит до родных, до упокойников. Если ты постишься – это для них». (с. Тюково Клепиковского р-на Рязанской обл., 2003).

Тяжким преступлением против веры, оскорбляющим таинство крещения и религиозно-нравственные чувства верующих, считались интимные отношения между кумовьями. «Ведь кум с кумою, – рассуждали крестьяне, – стояли у общей купели перед Богом, поручались за младенца и отрекались за него от сатаны, а заместо того, они сами идут в лапы сатаны и младенца туда тащат, прямое дело, что грех непощеный, потому как оскверняет невинного младенца»<sup>86</sup>. В рукописном тексте «Легенда о Пелагее» лица, совершившие данное преступление, несут наказание вместе с отступниками от Бога в огненной реке, где «много разных, среди них те, кто веруют в демоны и отвергают Бога и святое крещение и иже блуд сотворища по святом крещении и с кумы»<sup>87</sup>. Согласно широко распространенному поверью, в загробном мире согрешивших кумовьев ждет раскаленное ложе с железными зубьями, так и называемая «кумова кровать». Еще более суровое наказание ждало лиц, нарушивших скрепленные таинством церкви брачные узы<sup>88</sup>. Мучения за прелюбодеяние – обязательный сюжет различных рукописных текстов и пересказов вещих сновидений. Так, заснувшей на три дня девушке Пелагее ее спутник – «высший небесный» показал картины Ада и среди них «дом большущий, в котором пол чугунный каленый (?) как искра огненная по полу “танцуют” молодые парни, девицы, вдовы солдатки и женщины, которые блудодействовали»<sup>89</sup>. В упоминавшемся выше «Писании за Веру» Богородица показывает мучения грешников, среди которых есть и прелю-

<sup>82</sup> Русские крестьяне... Т. 2, ч. 2. С. 310–311. Определение греховности умершего человека через символику присутствует и в современной похоронно-поминальной практике. Так, жители Рязанского р-на, согласно общерусской традиции, ставят на окно «для умершего» водичку до 40-го дня после смерти. Ее не доливают и смотрят: «в пузыречке цветет – не грешный, а мутная – грешен» (с. Пупки Рязанской обл.).

<sup>83</sup> Бондаренко В.Н. Указ. соч. С. 74.

<sup>84</sup> Воронина Т.А. Русский православный пост. М., 2011.

<sup>85</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 2. С. 451.

<sup>86</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1815. Ярославская губ.

<sup>87</sup> Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов. СПб., 1910. Т. VI: Легенды русского народа. С. 244.

<sup>88</sup> В данном случае я бы сделала оговорку: описания представлений крестьян относительно данного преступления сводятся обычно к пересказу рукописных текстов. Крестьяне, конечно, были согласны с тем, что виновные в прелюбодеянии заслужили свои мучения, поскольку таково было установление Бога. Однако в рассуждениях на эту тему применительно к повседневной жизни слегка смягчают их вину, ссылаясь на силу бесовского искушения.

<sup>89</sup> Бурцев А.Е. Указ. соч. С. 244.

боден. *«Вошла в глубокий ров, а там мужчина в ризе и с ног до головы опутан змеями. Вокруг него много женщин с детьми, обвитые такими же змеями с ног до головы. Женщина в светлой одежде сильно плакала, глядя на мужчину. – Это блудники и прелюбодеи, а женщина в светлой одежде его законная жена, брошенная, которая при бракосочетании получила светлую одежду, и светлое ложе, освященное и убежденное духом, которую он бросил и стал жить с другими женщинами. Его законная жена не клянет его за его падение и плачет, желает приношение покаяния»* (Писание за Веру. С. Архангельское Милославского р-на Рязанской обл). Рассказы о неизбежности наказания за данный грех бесспорно способствовали сохранению семейных устоев, особенно необходимых для жизнедеятельности крестьянского социума.

Народные религиозные рассказы уделяют большое место детальному описанию разного рода наказаний, соответствующих, как правило, специфике преступления, например: *«Богача, кой не подавал нищим, станут продергивать сквозь игольные уши. За мелкие кражи будут только “галиться”: повесят украденную вещь на шею и заставят ходить на глазах у всех»*<sup>90</sup>. В основном такие сочинения повторяют сюжеты духовных стихов и рукописных текстов с описаниями загробных мучений. В Ад, безусловно, помещали лиц, совершивших самые тяжкие преступления – убийства. С ними обычно не связывали какой-либо определенный вид наказания. Скорее всего, это связано с очевидностью помещения за столь тяжкие грехи на самое дно преисподней. Часто религиозная нравственность народа не делала разницы между реальными преступлениями против имущества и личности человека и негативным мистическим воздействием. Лица, совершавшие преступления такого рода, в равной степени подлежали наказанию. *«А вот хто губить других, портить, крадить, так его железным крючком за язык протягивают сквозь зябры (нижняя челюсть), за пятки ведают, в катле кипятить»*<sup>91</sup>. К числу наказуемых поступков относили деяния, демонстрирующие отход от христианского закона любви и доброты. В варианте легенды о Пелагее из Костромской губ. высшие силы ей говорят о нарушении нравственных законов на земле: «на-

род сильно согрешил, друг друга не любит, друг на друга зло творит, сквернословится, матерью ругается»<sup>92</sup>. Последний грех относился к числу особо безнравственных: он не карался земным законом, но неизбежно подлежал суду духовному, поскольку оскорблял святость материнства пресвятой Девы, которая для верующих была идеалом чистоты и бесконечной доброты к людям. Гневный голос духовных стихов в отношении непочитающих Богородицу напоминал о том, что одновременно они оскорбляют и кормилицу-землю, т.е. основу жизнедеятельности крестьян. *«Мы за матерное слово все пропали / Мы пресвятую Богородицу прогневили / Мать мы сыру-землю осквернили»*<sup>93</sup>.

Бесконечно милостивая к людям Богородица воспринималась как последняя надежда на избавление от мук Ада. Из духовных стихов пришел в народную религиозность и стал одним из распространенных образ Богородицы, спасающей в загробном мире тех, кто не оскорблял ее имя при жизни. Как говорится в стихах, Господь по ее просьбам отпустит из Ада тех, кто не ругался матом, разрешает запустить в Ад невод и выловить грешников: *«И прошел невод мукой вечною, и вытащил душ праведных / Из муки из вечныя»*<sup>94</sup>. В интерпретации этого сюжета верующими появлялись и дополнительные детали, порожденные их собственным воображением или же заимствованные из других описаний Ада. Перед концом существующего мира только Богородица, как говорили в народе, постарается спасти грешников от уготованной им навечно участи. *«Рассказывают, что Божья Мать вяжет большую сеть, и будет вязать ее до самого Страшного Суда, для того, чтобы этой сетью вытащить из огненной реки грешников. По окончании Страшного Суда Мать Божья явится перед сыном своим и будет просить его о помиловании грешников. Господь позволит ей закинуть сеть три раза, и сколько грешников поймут в эту сеть, все будут помилованы. Мать Божья позовет ангелов, которые три раза закинут сеть в огненную реку, таким образом, заступлением и молитвами пресвятой Богородицы спасется несметное число великих грешников. После этого огненная река скроется вместе с грешниками, которые пойдут на вечные муки. И тогда всякая скорбь исчезнет с лица земли и наступит*

<sup>90</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 3. С. 204.

<sup>91</sup> Русские крестьяне... СПб., 2009. Т. 6: Курская губ. С. 43.

<sup>92</sup> Русские крестьяне... СПб., 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. С. 140.

<sup>93</sup> Ржигя В. Четыре духовных стиха, записанные от калик Нижегородской и Костромской губерний // ЭО. 1907. № 1–2. С. 66.

<sup>94</sup> Голубина книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX в. М., 1991. С. 252.

на ней царство Божье»<sup>95</sup>. В духовных стихах и рассказах на темы загробных мучений, которые и сейчас популярны среди верующих, Богородица нередко выполняет роль путеводительницы в загробном мире (часто вместе с Николаем чудотворцем), т.е. выступает на стороне святых сил, старающихся помочь грешной душе.

Эсхатологические сюжеты присутствовали в религиозных представлениях крестьян и в XX в., демонстрируя традиционную убежденность в расплате за грехи. Однако их содержание показывает отход от образов и стилистики духовных стихов, оно более приближено к повседневным реалиям бытовой жизни рассказчика. *«В ад попасть — не приведи Господи. Там же страх-то какой! — мученья сплошные! Вот воры, к примеру, аль взяточники как мучаются? У них тело рвут — сколько в жизни ухватил, столько и отрывают. И так до последнего кусочка. А пьяницы по-другому: они карасин пьют. Так мало того: им еще и рот закрывать надо — не дай Бог вспыхнет (огонь же кругом). А тем, кто врал или жалобы доносил, языки вырывают. А вот тем, кто супружницам изменял, — и сказать стыдно, что делают! О-о-о. Которые на тот свет с грехами пришли, с теми там строга»*<sup>96</sup>.

Большое место в народном нравственном кодексе занимала тема терпения, которое воспринималось как образец поведения, данный самим Христом. К смирению перед невзгодами призывали духовные стихи, напоминая людям о собственной греховности как причине последующих наказаний. Признание собственного несовершенства, отступления от законов праведной жизни стало, как уже говорилось, частью менталитета русского человека. Анализируя этот сюжет в духовных стихах, Г.П. Федотов писал о том, что сила *«греховного сознания певца свидетельствует хотя бы то, что он приемлет безропотно земной Ад, в котором живет. Ни на одну минуту он не усомнится в праведности Божия суда, судившего человеку его земную долю. Она им заслужена»*<sup>97</sup>. Вознаграждение за терпение, как верили, будет ждать человека за гробом. В подчас непереносимо тяжелой крестьянской жизни надежда на ожидающие за гробом радости давала силы не роптать. Так, престарелый житель Брянщины свое рассуждение о том, почему *«один страдает, хотя трудится, а у другого все хорошо»*, за-

кончил традиционным логическим обоснованием: *«Та и эта жизнь связаны. Коли в этой жизни человек мается, так в той, другой, ему легче будет. Коля оттерпит человек за всё, так потом прямо в Рай попадет. Так в Писании, вроде бы, сказано. Хорошо бы, конечно: утешенье все ж таки людям»*<sup>98</sup>. С начала 1920-х годов привычным предметом религиозного обихода в сельской местности стали рукописные записи молитв и религиозных текстов, что сыграло большую роль в сохранении веры. Чтобы никогда не забывать о том, что все несчастья даются свыше как испытание верности Богу, крестьяне, кроме устных напоминаний себе и другим, записывали в такие тетради молитвенные по форме правила поведения. Приведу запись, сделанную в 1920–1930-е годы крестьянином из Тотемского у. Вологодской губ.: *«Радуйся все те, которые терпеливо понесли на земле скорби и страдания и им на небе даруется вечная радость»*<sup>99</sup>.

С призывом к терпению смыкается и утверждение бедности как благочестивого состояния христианина. Из Евангелия пришел и стал едва ли не самым популярным сюжетом духовных стихов нравоучительный эпизод с бедным и богатым Лазарем. Картины загробного будущего направлены не просто на утверждение бедности как заведомой благодати, они должны были научить довольствоваться тем, что человек имеет. Богатство могло заведомо предполагать несправедливые пути его приобретения. Позиция народной морали по отношению к богатству соответствующим образом отражена в сонных видениях и даже в рассказах мифологического характера. Так, в приведенном ниже рассказе, записанном в Харьковской губ., ангел символически через понятные человеку реалии показывает отношение небесного мира к каждому из захороненных. *«Ангел провинился и его Бог послал на три года на землю. Попал к бедному человеку». ...Человек и ангел встретили двух умерших. Первого бедного. Отец его пожалел, “ему плохо лежать”, на что ангел говорит: “бедному дай Бог быть усякому”. Затем встретили “богатого в золоченой труне. Отец — у — ему гарно лежать, а сын (он же ангел) нет. Их похоронили. Сын зовет отца до могил посмотреть. Подходят к могиле. Ангел у богатого. “А вставай человек”. Развернулась могила, вылез пан. Говорит отцу — лезьте, тату. Залез*

<sup>95</sup> Русские крестьяне... СПб., 2005. Т. 3: Калужская губ., Жиздринский у. С.140

<sup>96</sup> Легенды, предания, устные рассказы Брянской области. Брянск, 2012. С. 113–114. Записано в с. Лутня Клетнянского р-на.

<sup>97</sup> Федотов Г.П. Стихи духовные. С. 83.

<sup>98</sup> Легенды, предания, устные рассказы Брянской области. С. 35.

<sup>99</sup> Тотемский краеведческий музей. Рукопись с заговорами и молитвами. Из тетрадок неизвестного местного жителя. Б/н.



– а там “усяка гадина: гадюки, ящирки, павуки, щипают, кусают – мука!” Также у могилы бедняка. “Батка полез у могилу – колы там садок, зелено, яблука, пташки спивают – и вылазить не хочеца”. Ангел отцу: “як ты будешь, тату, чесно жить, будешь помагать бидному чоловікови, – и ты в такий яме лежати будеш”» (с. Нижняя Сыроватка, Сумского у.)<sup>100</sup>.

Богатство с точки зрения народной религиозности могло не противоречить христианской нравственности лишь в одном случае – если оно использовалось на благочестивые дела. К таковым в первую очередь относили одно из самых важных в христианском понимании дел – оказание милости и помощи всем бедным, сирым, нищим, причем понятие милостыни рассматривалось не только как материальная категория, но шире, как нравственная установка, определяющая отношение к людям. Тема милостыни и ее места в системе христианских ценностей постоянно звучала в духовных стихах. Она была обозначена как одно из наиболее важных условий, дающих надежду на Божье милосердие в загробном мире. «О человеке, внимай / А смертной час никагда не забывай. / Аще да хто смерти не памятует / Таво мука не минуит. / Три главна дабрадела / Потребна имя человеку / Первая: бойса Бога, / Вторая: малиса чиста, / Третья: дабро твари ближнью»<sup>101</sup>. Изгоняя грешников на муки, Господь напоминал им о главных добродетелях христианина: «Душа спасти есть святым постом молитвами, / В Рай войти – честной милостиной»<sup>102</sup>.

Анализируя дидактическое звучание духовных стихов и их значение для формирования нравственного закона русских, Г.П. Федотов писал: «Милостыня проходит красной чертой сквозь все формулировки морального закона. Без милостыни нельзя представить себе русского пути спасения»<sup>103</sup>. Учение о милостыне вошло в свод христианских ценностей из Евангелия и приобрело в народе статус одной из заповедей Христа. На сознание верующих постоянно воздействовала следующая ассоциативная связь: милость, оказанная кому-то на земле, отзовется Божьей милостью на небе. В описаниях загробного мира людей

ми, отличающимися не только глубокой религиозностью, но и особым мистическим ощущением происходящих там событий, появляется персонаж – персонаж (если так можно сказать о лицах, принадлежащих к миру сакральному) персонаж – Божья милостыня. На Страшном суде, свершение которого было дано увидеть Григорию мниху, она появляется с тем, чтобы защитить людей. «И се внезапно сниде с небес Отроковица, прекрасная и препраславленная, и сами ангелы служили ей. И пришедшее стала перед Господом и молила, да минует муки сонм тот. Ангелы же, которые влекли несчастных, познавши, кто была та Отроковица, говорили ей: “Мы знаем, кто ты: ты возлюбленная Божья Милостыня, и никто же паче тебя имеет дерзновение у Господа Бога”»<sup>104</sup>.

Значение милостыни в системе христианских ценностей было столь велико, что она могла искупить совершенные грехи. Таково значение присутствующего на иконе Страшного Суда персонажа «милостивый блудник», помещенного между Адом и Раем. В народной религиозности с той же идеей связан популярный сюжет о женщине, совершившей в жизни лишь одно доброе дело – подавшей нищему луковку, уцепившись за хвостик которой, она, с разрешения небесных сил, смогла выбраться из Ада. Надежда на то, что по луковому «стеблю вытянутся из Ада грешные души», была причиной включения лука в число наиболее подходящих для подачи милостыни предметов на Тамбовщине<sup>105</sup>. Возможно, этот сюжет стал причиной существования следующего обычая: «Местами около Самары на поминки после горячего стола подают по луковке»<sup>106</sup>. В качестве предмета, поданного в качестве милости и избавляющего впоследствии от мучений, могли фигурировать и другие предметы: в Псковской губ. рассказывали о том, что «умерла раз старуха и ее дурные дела перевесила одна крошка хлеба, данная нищему»<sup>107</sup>. С буквальным видением возможной помощи от будущих мук было связано и следующее поверье: «Иные думают, что хорошо верёвку нищему подать: пускай его [подавшего] на том свете тянет по верёвке»<sup>108</sup>. Рассказы о милостыни, перетянувшей в пользу умершего

<sup>100</sup> Гринченко Б.Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Вып. I. С. 71.

<sup>101</sup> Чернышев В. Несколько духовных стихов. // ЖС. 1900. Вып. 3. С. 434.

<sup>102</sup> Голубина книга. С. 263.

<sup>103</sup> Федотов Г.П. Указ. соч. С. 88.

<sup>104</sup> Буслаев Ф.И. Древнерусская литература. С. 191.

<sup>105</sup> АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 56. Тамбовская губ., Моршанский у.

<sup>106</sup> Там же. Л. 36.

<sup>107</sup> Русские крестьяне... Т. 6. С. 294.

<sup>108</sup> АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 38.

чашу весов на Страшном суде до сих пор имеют хождение в народе. *«И как кончается человек, на 40-й день все дела приносят на весы кладут, какая сторона перевесит. Делала плохо, а потом милостыней много подавала, и ангел шестикрылый смотрел: дала нищему на заплатки, и вот ангел принес заплатки и милостыни, и перетянули они. Это на картине, недобрый сам за весы уцепился и тянет»* (с. Инаковка Кирсановского р-на Тамбовской обл.).

В традиционной культуре русских учение о милостыне получило дополнительную, идущую от Евангелия, интерпретацию, определившую практику так называемой *тайной милостыни*: оказанная анонимно помощь была одновременно просьбой молиться за умерших и таким путем дать им облегчение в загробном мире<sup>109</sup>. Идея награды за милостыни в небесном мире получила разработку и в мифологических рассказах русских. В приведенном ниже тексте интерес представляет образное представление о загробной участи, предопределенной еще при жизни человека. Рассказ называется «Как старуха не давала покою детям, пока невестка не отдала ей свой престол на небе». Изложение сюжета начинается с того, что у одних хозяев кто-то стал приходить и воровать капусту. Хозяин подкараулил вора и узнал, что это его умершая мать. На его укор: «*«Што ты нас агалажаишь?»*» мать объяснила: «*«Сынок мой, скажи сваей жонки, маей нявестки, што у ей три престола на том свети, а у мене ни водны-ва; ни хай ина мене аткажить адин»*. Пришёл в хату, нашел жонку, рассказал ей. Так и так; а потом просит ее: *«аткажи матки адин престол, – подумай!»* – *«Пажалуй себе ей один!»*. Пиристала ходить по земле. А matka эта ни давала милыстини нищим, а нявестка, сколько яны ни хадят к ей, заужда атрежить и падаст хут адин ломтик»<sup>110</sup>.

Девичество. К категории лиц, заслуживающих после смерти Царства небесного, церковная традиция, а в вслед за ней и народная религиозность относили девушек, сохранивших свою невинность, точнее, добровольно лишивших себя греховных сексуальных отношений<sup>111</sup>. Чистота

девушки высоко ценилась общественным мнением на земле<sup>112</sup>, но еще больше ее значимость была в мире загробном. Согласно церковному учению, в основе надления девушек статусом святости лежали сложные мистические взаимосвязи, соединяющие земной мир с высшими персонажами мира небесного, общий смысл которых заключался в следующем: девушки, отказавшиеся от земного брака с тем, чтобы служить Богу, обручались Небесному жениху, т.е. Христу. По словам одного из теоретиков христианского учения Тертуллиана, *«они Божиим невесты, для Бога их красота и невинность, ...отказавшись от замужества на земле, уже причислены к сонму ангелов»*<sup>113</sup>. Высокий статус девства в мире святости был утвержден в христианстве прославлением Девы Марии. Последовавшие ее примеру и отказавшиеся от плотских радостей девушки, как учила церковь, займут на небе особую, близкую к Богу нишу. Приведу слова митр. Макария из Великих Миней Четых от 25 марта. *«И от кого вочеловечился сам Бог-Слово? Не от той ли блаженной Девы? Ибо девство дает начало всякой жизни. Ибо девство – это царица добродетелей. Девство – это невеста и заступница Христова... Что касается тех, кто в миру, девству (там) благая участь отведена. Но и в царствии небесном девству первенство отдается, ибо так пишется в Откровении»*<sup>114</sup>.

Религиозное восприятие земной жизни как преддверия к вечности в Царстве Божьем, желание сохранить себя в чистоте для него были характерны для первых христианских мучениц, называвших себя *Христовыми невестами*. Впоследствии так же стали называть давших обет безбрачия монашек, а затем и всех девушек, не вышедших замуж при сохранении высокой нравственности поведения. Утверждение святости девичества входило в народную систему нравственных ценностей и через иконописные сюжеты. Так, на описанных А.К. Жизневским иконах из Тверского музея на одной присутствует *«юная дева, украшенная нимбом (сиянием) и стоящая на двух колесах крылатых и держащая в правой руке солнце. Над девою*

<sup>109</sup> Тульцева Л.А. Тайная милость // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. М., 2002. С. 90–101.

<sup>110</sup> Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. I. С. 127.

<sup>111</sup> Мужская девственность, занимающая столь важное место в истории христианства, нашла отражение в церковной культуре и в ее символических образах, но не получила яркого развития в религиозной культуре народа.

<sup>112</sup> Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 352–353; Крюкова С.С. Девичья честь в русской деревне второй половины XIX в.: историко-культурная идентификация понятий. // Традиции и современность. 2015. № 17. С. 60–76.

<sup>113</sup> Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 14. С. 284–293.

<sup>114</sup> Макарий, митр. Великие Миней Четых // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 2003. Т. 12. С. 135.

надпись чистая душа». На окладе другой иконы — Тихвинской Божьей Матери новгородского письма представлена юная дева, попирающая змея и угашающая пламень. Надпись: «*Душа чиста, аки девица, не скверна, смирением змея попра, слезами пламень погаси*»<sup>115</sup>. Символическое изображение чистоты и святости в образе девушки можно найти и в описаниях видений загробного мира. В видении монахини Сергии из Пюхтицкого монастыря именно в таком виде предстает перед ней данная от Бога при рождении душа, еще не омраченная земными пороками. «*Мы прошли в главный придел, и я замерла от чудного видения: перед иконостасом, высоко в воздухе, облитая лучами света, стояла стройная фигура. Это была дева, облаченная в пурпурное одеяние, ниспадавшее мягкими складками. Она была воплощением благородства и красоты, печать образа Божия лежала не искаженно на ней...И вдруг я узнала ее — это была моя душа. Душа, данная мне творцом, душа в том девственном состоянии, в каком она вышла из купели крещения. Образ Божий в ней был еще не искажен*». Добавлю, что вслед за тем монахине была показана ее уже изменившаяся со временем душа в «страшном виде»: «*несказанное чудовище — на свиных ногах, с огромными черными губами поперек живота, безобразная, низкая баба*»<sup>116</sup>. Напомню, что и упоминавшаяся выше Божья Милостыня из описаний Страшного Суда Григория мниха также имела вид Отроковицы. И хотя Ф.И. Буслаев склонен сопоставлять данный персонаж с изображениями лучезарных жен, олицетворявших добродетели в работах средневековых европейских художников<sup>117</sup>, для нас важно, что в христианскую религиозность русских этот образ добавил лишнее свидетельство святости девичества.

В религиозной народной антропологии русских девичьей чистоте часто придавался характер сакральности. Например, считали, что свойствами благодатного воздействия начинали обладать все



Памятник павшим в ВОВ воинам в г. Калач Воронежской обл.

предметы, к которым приложила руку чистая девушка. Сообщения на эту тему из разных мест есть в дореволюционных источниках. Например, в Калужской губ. «в старину утром в день жён-мироносиц после ежегодного опахивания участвующие в этом обряде девушки ходили по дворам и собирали яйца, ломти хлеба и свечки. Свечки — в церковь, а хлеб святости и возвращали хозяевам. Этот «девичий хлеб наслуженой» являлся целебным средством, его прибирали для скотины в случае болезни»<sup>118</sup>. Из церковной традиции в народную пришла оценка девичьей чистоты в категориях святого мира. Например, в свадебном приговоре на севернорусской свадьбе невеста гордилась сохраненной до свадьбы честностью. Она «*просит у отца лошадей погулять по Дунай-реке, покрасоваться во честном похвальном девочестве, во ангельском чину — во архангельском, — проститься со славной гладкой горочкой, со хорошей новошаторовой колоколенкой*»<sup>119</sup>. В полной степени должна была сказаться сохраненная чистота девушек в определении их места и характера пребывания в загробном мире. По представлениям народа, они попадали в категорию Христовых невест и заведомо были избавлены от адских мук. Причем, если Церковь относилась к таковым только тех девушек, чья душа и мысли всецело были посвящены Богу, в народном понимании той же радости могли удостоиться

<sup>115</sup> Жизневский А.К. Описание Тверского музея. М., 1888. С. 50.

<sup>116</sup> Посмертные мытарства души и Страшный суд божий: Древние и современные свидетельства. М., 2000. С. 126.

<sup>117</sup> Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 191.

<sup>118</sup> Шереметева М.Е. Хлеб и обрядовое печенье в бывшем Перемышльском у. Калужской губернии // Известия Государственного Русского Географического об-ва. Л., 1929. Вып. 2. С. 221.

<sup>119</sup> Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 325.



все сохранившие «честное девичество», тогда как живущие сексуальной жизнью замужние женщины были лишены той же чести. Приведу некоторые примеры из источников XIX в.: *«Девушка, какая бы она ни была, в аду не будет. А баба уже грешна»*<sup>120</sup>; *«Народ убежден, что молодая девушка, не имевшая половых сношений с мужчинами, по смерти непременно попадет в рай за то, что “греха не знала”, а потому “о ней не горевать нужно, а радоваться”*»<sup>121</sup>; *«Дети неокрепшие не увидят света, лица Бога, а девушки, не вышедшие замуж – не худо будет, так как “не зазнала греха”*»<sup>122</sup>. По степени приближенности к святости и, соответственно, определению места в загробном мире, народная религиозность ставила девушку в один ряд с безгрешными младенцами. *«Душа девушки считается такой же чистой, как душа ребенка, и в большинстве случаев без всяких мытарств переходит в вечное блаженство»*<sup>123</sup>. Интересно, что в современных рассказах о сонных видениях умершие девушки также могут являться своим близким в детском возрасте, что лишний раз символизирует их вхождение в мир святости. Именно так видела во сне свою молоденькую дочку русская старообрядка из Гомельской обл. *«У нас Ирочка умерла. И кому она ни снится, всё снится в маленьком возрасте. И снится мне сон: она на кладбище, на заворотке и как идти всё детские маленькие могилочки. Глядь – Ирочка на могилочке стоит. Я взяла ее на руки, обняла ее, и она обняла. И я плачу, и она плачет. А потом она говорит: “Мамка, а мне ведь хорошо”. Вот так всем маленьким. Так сказали, что она у ангелов. И владыко говорил, она уже ангел»*. (д. Огородня Гомельская, Добрушского р-на). Об ожидании награды за целомудренное девичество можно услышать и в наше время от старых верующих людей. *«Кто сдержит свое девство до конца – это большое дело. Може я одна такая в области – так будет золотой венец на том свете. Это в Библии. Вот мне положен венок»* (с. Грязи Шумяцкого р-на Смоленской обл. Материалы И.А. Морозова). В целом же, рассматривая дидактическое влияние представлений о ценности девичества в сопоставлении с другими нравственными установлениями крестьянства в контексте значения критериев загробной жизни

для земного поведения, приходишь к выводу о том, что в целом их влияние было невелико. По-видимому, картины страшных мучений за грехи обладали гораздо большей силой эмоционального воздействия на верующих, чем обещание райского блаженства, тем более что переход из девичества в законный брак являлся также общепризнанным благочестивым делом. Сохранение же девственности до брака, что было характерно для дореволюционного времени, гарантировалось нравственными нормами общества, что подробно рассмотрено в уже упоминавшихся работах М.М. Громыко и С.С. Крюковой.

В послереволюционное время церковный взгляд на статус невинной девушки за гробом в народной среде постепенно получил новую интерпретацию. Еще в XIX в. в отношении верующих крестьян к смерти данной группы молодежи совмещались два фактора: с одной стороны, невинность и молодость умерших позволяли относить их к категории Христовых невест. С другой – рассуждали так: девушка не вышла замуж здесь, на земле, т.е. не получила, в соответствии с традициями земной жизни, своей пары. Следовательно, она выйдет замуж «там». Определение этого пространственно-временного «там» варьировало от полной неопределенности до перенесения реалий земной жизни в мир загробный. Как сообщали исследователи второй половины XIX в., в похоронах девушек присутствовала символика отправления к венцу. *«Девушек хоронят как к венцу, во всё белом, голова платком перевязана, полотенцем покрыта. Девки несут, перевязанные под руку через плечо утиральниками, как дружки свадебные, на дугу лошади красные платки»* (Юхновский у., Богатыри?); *«Девушек умерших несут, за ней повозка (с ?). Гроб покроют шалью. На ней платье, платок, как и к венцу»*<sup>124</sup> (Малоархангельский у., с. Тетери). В материалах исследователя крестьянских обычаев С. Пономарева можно было встретить конкретные картины «брачной» жизни за гробом, не всегда соотносимые с понятием «Христовы невесты»: *«Девушки, не отведавшие жизни, будут на том свете по саду ходить и яблоки срывать, в цветах утопать, замуж за идеального холостого выйдут»* (Чаусский у.); *«на том свете девушки 18 лет выходят замуж за святого»* (Орловская губ.); *«за Иисуса Христа»* (Пермская губ.)<sup>125</sup>. Со

<sup>120</sup> АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л.17. Орловский у. Вятской губ.

<sup>121</sup> Русские крестьяне... Т. 7, ч. 3. С. 379.

<sup>122</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 211. Л. 132. Вологодская губ., Грязовецкий у., Авнегская вол.

<sup>123</sup> Русские крестьяне... Т. 3. С. 138–139.

<sup>124</sup> АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

<sup>125</sup> Там же.

второй половины XX в. устойчивой традицией стало хоронить девушек в свадебном наряде, причем белое платье и фата — т.е. атрибуты невинности — никак не зависят от реальности целомудрия умершей. Данный фактор перестал иметь значение, прежнее восприятие невинности как приближение к Христу осталось лишь в воспоминаниях. *«Девушку хоронили в белом платье как невесту. Ну, раньше говорили, что невеста Иисуса Христа. Взял он ее»* (с. 1-е Пересыпкино Гавриловского р-на Тамбовской обл.). Большое распространение имеют рассказы «с конкретными примерами» типа быличек о браках умершей молодежи за гробом.

Особое место в своде греховных деяний, влекущих за собой наказание за гробом, относятся два вида отступлений от норм христианского поведения — аборты и самоубийства. И в народной, и в церковной среде они рассматривались как особо тяжкие преступления против Бога. Именно в формировании отношения к ним общества и эффективности воздействия на сознание и поведение верующих церковное учение играло особо важную, можно даже утверждать, определяющую роль. В связи с этим я считаю нужным более подробно остановиться на рассмотрении причин, проявлений и последствий крайне негативного отношения к данным преступлениям, тем более, что они относятся к «болевым точкам» современного общества, и борьба с ними явно требует привлечения опыта Церкви. Если в отношении абортов ее миссионерская деятельность проявляется весьма активно, то самоубийства становятся объектом внимания в основном лишь с точки зрения возможностей поминальной практики.

**Самоубийства.** Спецификой современного общества можно считать сочетание двух, казалось бы, противоречащих друг другу показателей: явный секуляризованный уклад жизни — с одной стороны, и потребность включения человека в христианское пространство, дающее чувство безопасности на земле и по окончании земной жизни — с другой. Я имею в виду не уходившие никогда из духовной практики русских таинства крещения и отпевания (вместе с поминанием), ставшие в наше время практически повсеместной традицией. Как видно из обращений в епархии с просьбой о разрешении церковных проводов тех, кто добровольно ушел из жизни, наших современников по-прежнему беспокоит загробная участь своих

ближних, но помочь им Церковь может далеко не всегда. В связи с этим встает вопрос: почему такие проблемы почти не возникали в дореволюционное время, и второе: насколько способен сейчас страх загробных мучений остановить тех, кто решился на суицид?

Проблемой самоубийства занимались и занимаются уже много лет специалисты разных профилей, суждения и выводы которых зависят от концептуального подхода к осмыслению существующих в мире и обществе причинно-следственных связей той наукой, в рамках которой они привыкли исследовать, опираясь на ее инструментарий и теоретические подходы. Учитывая реальность разных конкретных поводов, толкающих людей на добровольное окончание жизни, — экономических, социальных, психологических христианские исследователи однозначно называют главную основополагающую причину данного поступка — отсутствие религиозного видения своего бытия, взаимосвязи человека и Бога, дающего ему вечную жизнь и вытекающую из этой связи ответственность человека перед своим Создателем. В известной работе конца XIX в., специально посвященной феномену самоубийства, священник Ф. Орнатский в качестве общей основы данного деяния, неизбежно влекущей отклонение от заложенных в человека законов жизни, называет неверие и материализм, а также ограничение «цели жизни жизнью настоящей»<sup>126</sup>. Одновременно он делает очень важный для нас вывод о значимости для поведения и сознания каждого индивида нравственного состояния того социума, в котором он живет, указывая при этом на различие ситуаций в разных сословных слоях современного ему общества: *«...упадок всякого общества людского в нравственном отношении стоит в прямой зависимости от упадка того же общества в отношении религиозных верований. Рассматривая самоубийство по сословиям одного и того же народа, можно видеть, что оно чаще случается среди людей образованных и редко у простонародья, крепче державшегося заветов Церкви и веры»*<sup>127</sup>.

Данный вывод подтверждают статистические данные. Дореволюционную Россию относят к числу стран с невысоким уровнем самоубийств. После революции их число возросло. Советское общество осуждало самоубийство как проявление

<sup>126</sup> Орнатский Федор, свящ. О самоубийстве пред судом Откровенного учения. СПб., 1894. Код доступа [www.memoriam.ru/forum/viewtopic.php?p=127541](http://www.memoriam.ru/forum/viewtopic.php?p=127541). Именно поэтому он обращается ко всем, «кто считает самоубийство делом преступным, противным учению Христову», с призывом: «во имя любви к погибающим ближним, осуждайте, порицайте, негодуйте против самоубийства и в его совершении, и в замыслах на него».

<sup>127</sup> Там же.

слабости человека, игнорируя, естественно, религиозный аспект проблемы. В настоящее время к факторам, толкающим на самоубийства, относятся не только социально-экономические трудности, но и общий психологический климат в стране, а равно отношение к данному акту окружающих. Для современности еще более, чем для конца XIX в., актуальна та провоцирующая самовольный уход из жизни ситуация в обществе, которую Ф. Орнатский называл одной из причин распространения самоубийств в его «просвещенный век». Он имел в виду их *«оправдания и даже извинения со стороны общественного мнения или, по крайней мере, в выразителях его посредством печати»*<sup>128</sup>. В последние десятилетия всё возрастает негативное влияние существующих в сети Интернета форумов, где общаются, и, более того, пытаются «помочь» друг другу потенциальные убийцы, даются инструкции по способам самоубийства и рекомендации добровольно расстаться с жизнью. Отчасти именно с этим связан рост числа самоубийств среди молодежи в три раза. Конечно, это происходило и происходит вследствие, прежде всего, личного игнорирования нашими современниками христианского учения о ценности жизни и греховности добровольного отказа от нее. В то же время распространенность явления отражает духовное состояние общества, степень его способности и готовности оценивать любые деяния с точки зрения христианского учения о сущности человека и осознания вечности его жизни.

Поскольку предмет моего исследования — сдерживающая роль представлений о загробных мучениях в основном в крестьянской среде, обращусь к данным, характеризующим ситуацию в русской деревне в конце XIX в. Крайне негативное отношение к данному акту в народе, о конкретных проявлениях которого будет сказано ниже, сформировалось под влиянием двух, действующих в унисон, хотя с привлечением разных средств воздействия, факторов. По учению церкви человек, отвергающий жизнь, т.е. дар Божий, совершал святотатство, раскаяться в котором он уже не мог. Мистическое содержание самоубийства состояло в том, что убивший себя безоговорочно попадал в руки дьявола. Человек, совершивший подобное, лишался церковной заботы о его проходах и поминании. Даже мысли о покушении на свою жизнь Церковь считала греховными. Среди исповедальных вопросов, очерчивающих перед верующим обширный круг возможных грехов, ранняя Церковь

на Руси включала и такие: «Или помянул ся на удавление?», «Или смерти просил себе?»<sup>129</sup>.

Именно церковная трактовка деяния, заведомое исключение самоубийцы из круга обитателей Царства Божия поражали воображение верующих и становились препятствием к лишению себя жизни. Интересно то, что тема самоубийства не отражена в духовных стихах и религиозных картинках, тематически охватывающих самые разные греховные поступки человека. Возможно, отсутствие внимания к актам суицида связано с их малочисленностью. Но можно предположить и другую причину: тяжесть содеянного не предполагала загробной борьбы за душу темных и светлых сил, альтернативы адским мучениям не было и, следовательно, не было даже смысла расписывать последующие наказания. Самоубийство было как бы за гранью свойственных человеку грехов. В этом отношении народная религиозная традиция следовала за основополагающим христианским учением, в нравственных разработках которого практически не уделяется внимания данному конкретному греху. Этот вопрос часто интересует современных верующих, уделяли ему внимания и богословы прошлого. Приведу сделанный по данному поводу вывод того же Ф. Орнатского: *«... смущает вопрос — почему ни единожды, на всем пространстве Священного писания, прямо не осуждается грех самоубийства? Больше того — почему о нем ни разу даже не упоминается при всем множестве наставлений, особенно в ветхозаветном Откровении, относительно того, чего должно избегать и к чему должно стремиться? Но этот последний факт умалчивания о самоубийстве, как нравственном пороге, дает основание утверждать, что не потому не говорит о нем Священное Писание, что оно не грех, не тяжкое преступление, а потому напротив, что оно слишком страшный, противоестественный, посягающий на права Самого Бога грех, священным писателям казавшийся даже невозможным и невероятным. Потому они и не высказались о нем в своих наставлениях и поучениях. Потому же и вся Библия — в ветхозаветных и новозаветных книгах вместе, представляет, как увидим ниже, всего только два примера самоубийц»*<sup>130</sup>.

Другой, хотя и менее значимой в крестьянской среде силой, формирующей отношение к самоубийству, была политика государства. Приравнивание самоубийства к уголовно наказу-

<sup>128</sup> Там же.

<sup>129</sup> Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2006. С. 265.

<sup>130</sup> Код доступа: [www.memoriam.ru/forum/viewtopic.php?p=127541](http://www.memoriam.ru/forum/viewtopic.php?p=127541)



емым преступлениям существовало в европейских странах в XVII–XVIII вв., а в некоторых, например, в Англии, и в XIX в. В России, как считают исследователи правовой политики государства, уголовное преследование самоубийства началось с указов Петра I. *«Ни уложение царя Алексея Михайловича, ни новоуказанные статьи никаких наказаний для самоубийц не содержат, но уже Морской и Военный Артикулы Петра великого постановляют, что “ежели кто себя убьет, то мертвое его тело, привязав к лошади, волоча по улицам, за ноги повесить, дабы, смотря на то, другие такого беззакония над собою чинить не отваживались”»*<sup>131</sup>. В дальнейшем наказания были несколько смягчены. Вплоть до начала XX в. в силе оставались два пункта законодательства. За нарушение Божьего закона православное государство запрещало церковное погребение погибшего, а покушавшийся на свою жизнь наказывался церковным покаянием. Действовала и чисто светская мера наказания, а именно: отнятие силы у духовного завещания и «всякого другого предсмертного распоряжения самоубийцы». Целью данной статьи было заставить решившегося на самоубийство человека подумать о судьбе своих близких<sup>132</sup>. Либерально-демократические настроения конца XIX – начала XX в. сказались в требованиях образованной части общества смягчить законодательство, что повлекло за собой некоторые уступки со стороны государства. После революции самоубийство просто ушло из правового поля государства (за исключением статьи «доведение до самоубийства»), сохранившись в канонических правилах Церкви.

Анкета Этнографического бюро В.Н. Тенишева содержала специальный вопрос «Самоубийство», ответы на который показывают актуализацию церковного учения о посмертной участи самоубийц в сознании и похоронно-поминальной практике крестьян, основным назначением которой в обычных случаях было обеспечение благополучия умершего за гробом. Церковные постулаты, как ясно видно из крестьянских характеристик случаев самоубийств, полностью были восприняты



Плакат в церкви св. Константина и Елены в Симферополе. 2012 г.

мировоззренческими концепциями народа. Как пишут корреспонденты из сельской местности, в представлениях крестьян лица, лишившие себя жизни, стоят в одном ряду с прочими отступниками от Бога. А поскольку мир, особенно загробный, устроен альтернативно, их судьба предрешена. *«Души неправославных, неверующих в Христа, самоубийц не попадают и в темное место, не ходят и по заставам: они прямо попадают в руки сатаны, в вечную муку»*<sup>133</sup>. Религиозная история вводила в сознание верующих ассоциативную связь: первым самоубийцей был Иуда – величайший грешник, что давало дополнительное доказательство греховности данного преступления. Рассказы об Иуде с назидательным значением распространены до сих пор. Приведу один из них, записанный в Воронежской обл. *«А Иудь-де пачуял, щё он продъл чилавек-то каков. И пашёл и удушилси, ага. Гъварит: роф страшный, и чериз ров ляжит асин, вот. Атчаво жы душиц – сѣхрани Гаспот, избай гаспот, да грех-ть кѣк вот. На этѣм рве привязѣн железнѣя цеп, и он на цапи зѣдушилси. Гврит, дѣ сих пор мумия яво висит, кѣк рассказывѣют людѣ, ага. Вѣт страст какаѣ, ага. И вѣт атчавоо жы душицѣ люди? Это апаснѣя штук, эт грех вяликѣй. И вѣт эти вѣт друзѣя и продѣли Спаситиля, продѣл Спаситиля за трицѣт сребрянникѣф. А Он – добрѣя душа... И всё за щё Он страдал? За сваю правду, за сваю дѣбра-*

<sup>131</sup> Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни. М., 1923. С. 6.

<sup>132</sup> Там же.

<sup>133</sup> Русские крестьяне... Ярославская губ., Ростовский у. С. 310–311

ту»<sup>134</sup>. Иногда главную причину наказания Иуды видели в совершенном самоубийстве. *«Господь терпел и нам велел... Иуда удавился, за это в Ад попал, значит и всякий самоубийца будет в Аду и на них там будут возить смолу, воду, дрова. Этот грех Бог никогда не простит»*<sup>135</sup>.

Добровольное решение уйти из жизни, не только не видеть больше белого света, но совершить страшный грех в народе всегда приписывали влиянию дьявольских сил, противостоять которым мешал недостаток веры в Бога. Как сообщал корреспондент из Калужской губ., главную причину участвовавших самоубийств старые люди видят в том, что *«Бога забывают, не хотят обратиться к Богу, а тут дьявол и орудует»*<sup>136</sup>. Такие обоснования весьма характерны для современных трактовок случаев суицида. Наполненные живыми подробностями из жизни конкретных людей, они показывают сохранение в сознании старшего поколения традиционного мистического видения ситуации. *«Говорят, нечистый может подтолкнуть. Один пришел четыре года назад домой и вдруг удавился. До этого говорил: мне судьба удавиться. Он пьяный был, а что пьяный вспомнит. Его Анчутка в руки берет. Вот одна женщина у нас крест сняла, повесила, и сама повесилась. А крест висит на вешалке. Это ее уже звал, а она тосковала»* (с. Архангельское Милославского р-на Рязанской обл.). Причем, если народная религиозность, учитывая тяжесть толкнувших самоубийцу на грех обстоятельств, могла до некоторой степени сочувствовать ему<sup>137</sup>, то церковь отвергала такую возможность, считая, что Бог никогда не дает человеку нести крест, который превосходит его силы. По церковному преданию, Св. Нифонт, епископ Кипрский, стоя на молитве, увидел движение душ умерших в Ад или Рай. Видел, как в Ад бесы поволокли душу раба, который не выдержал мучений у хозяина и удавился, «наученный дьяволом». А сзади шел и плакал ангел-хранитель<sup>138</sup>.

Только обращение к Богу, как считают и сейчас, может спасти человека от активизирующейся в моменты отчаяния и уныния нечистой силы. Это та истина, о которой, к сожалению, не задумываются молодые, но которую знали и знают верующие люди. Именно так удержалась на краю жизни одна наша пожилая собеседница. *«У меня родилась двойня и быстро умерли. Муж загулял. Я говорю: «Господи, если ты есть, покажись, чтобы я не наделала глупостей. И что вы думаете? Все передо мной засияло в лучах лицо Иисуса Христа и говорит: “Я здесь, я есть”. И вся дурь из башки. А ведь мне стыдно было, что муж ушел»* (г. Кашира Московской обл.).

Последствия совершенного греха в загробной жизни были столь очевидны и пугающи для верующих, что одно подозрение в том, что смерть ближнего человека являлась результатом самоубийства, заставляло мучиться оставшихся на земле родных. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести сюжет из жизни конкретной семьи из Грязовецкого у, изложение которого автор корреспонденции сопровождал подробными комментариями. История была такова: в деревне нашли повешенную местную девушку. Полагали, что это могло быть не самоубийство, а насильственная смерть, инсценированная под самоубийство, но похоронили ее как самоубийцу в дальнем углу кладбища. Жители еще долго обсуждали это событие, ставя под сомнение возможность совершения ею такого греха. Больше всех хотели знать причину смерти ее родные, так как, если она жертва чужого преступления, невинная «душа ее в ангельские руки попала», но раз она — самоубийца, «душа ее в дьявольских руках». За ответом родные прибегли к помощи тех сил — святых и природных, которые связывали, по их представлениям, земной мир и небесный. Как сообщила рассказчица *«для испытания, кто что скажет, каждое утро по утренним зорям носили мы пшеницу и на межники (луговина или лог между полями) и к Миколу Святителю. Как птица*

<sup>134</sup> Махрачева Т.В., Махрачев С.Ф. Хрононимы, легенды и образы весеннего цикла (на примере Страстной недели и Пасхи) // Этнография Центрального Черноземья. Воронеж, 2007. Вып. 6. С. 120.

<sup>135</sup> Русские крестьяне... Калужская губ., Мещовский у. С. 561.

<sup>136</sup> Там же.

<sup>137</sup> «Как придет лихо, нападёт тоска, поневоле удавишься, а нет — утопишься, и винить человека не за что: значит слабость человеческая виновата; от добра не пойдешь топиться. Чем же человек виноват, что у него горе большое, непосильное? Бог тоже зря не осудит». Русские крестьяне... Калужская губ., Мещовский у. С. 561. Вместе с тем привыкшие терпеть и не жаловаться крестьяне осуждали тех, кто полностью предавался горю. И причиной этому отчасти становилась сопровождавшая страдания угроза жизни. О рассуждениях крестьян Мещовского у. сообщали следующее: «Оригинально — если человек умрет от горя, его считают самоубийцей, хотя хоронят в обычном порядке». Крестьяне рассказали следующий случай: мать-старуха умерла от горя, когда сына забрали в армию — «сердце разорвалось». «Так ее начальство приказало не хоронить, а закопать, как свинью в болото... К этому рассказчики прибавляют: “Чего так убиваться? Это всё равно, что руки на себя наложить”» — Русские крестьяне. Калужская губ., Мещовский у. С. 510.

<sup>138</sup> Загробная жизнь. С. 38.

*обирает пшеницу – она в ангельские руки попала, а не обирает – нужно плакать по этой рабе: как если задавилась, птица небесная не будет обирать. И все сорочины ходили». Аналогичным образом поступала рассказчица и после того, как утонул ее муж<sup>139</sup>.*

Самоубийство – как преступление против Бога – исключало, как уже было сказано, возможность церковного поминания. И для верующих людей, воспитанных в культуре христианства и не мыслящих себе жизни вне церкви, вне ее опеки – на земле или на небе – это обстоятельство должно было внушать ужас и удерживать от греха. Во второй половине XIX в. государство ввело выделение категории самоубийц, причиной поступка которых являлось психическое расстройство, вследствие чего были разрешены проводы по православному обряду. Но даже при признании такового у погибшего, отпевание его на практике отличалось от обычного порядка совершения таинства. Как сообщали из разных мест в тех случаях, когда после осмотра судебного следователя в разрешении на похороны стояло заключение: «самоубийство совершено в бессознательном состоянии», отпевание проходило вне основного помещения храма: *«Самоубийц, опившихся водкой и утопленников (последних, если они умышленно утонули) для отпевания не вносят в церковь, а ставят только на паперти»<sup>140</sup>.*

По народным представлениям, существующим и до сих пор, церковное поминание самоубийц, как и других маргиналов, умерших насильственным путем, осуществляется раз в год в Троицкую вселенскую субботу. Основанием для данных представлений стали слова поминальной службы в этот день, указывающие на то, что Церковь молится и за тех, кто умер не «от единой старости» – «о иже в аде держимых». Церковь никогда не соглашалась с возможностью поминания самоубийц (за исключением психически больных), но и, как показывают дореволюционные материалы, не подвергала резкой критике точку зрения народа.

Современная похоронно-поминальная церковная практика может иметь местные традиции, опирающиеся на давние обычаи, как, например, в Смоленской епархии. Здесь специальным днем,

в который проводится отпевание и поминание самоубийц по полному чину, является *семик* – четверг перед Троицей, который в русской традиции связан с поминанием так называемых *заложных* покойников – т.е. лиц, умерших неестественной смертью<sup>141</sup>. В Смоленске празднование семика с отпеванием самоубийц – давний обычай. Как пояснили в епархии – *«семик на Смоленщине – это своего рода культ усопших, он был своей местной Радоницей, все шли на кладбище. Существует устное предание, что в Смоленске отпевают уже 200 лет, то есть с конца XVIII в. как минимум»*. Современную поминальную практику связывают с именем епископа Иннокентия, управлявшего епархией в 1960-е годы. По церковному преданию – «во сне или наяву» ему явилась Божья Матерь и сказала, что не может уже терпеть слез, переживаний, плача родственников самоубиенных. Поэтому она повелевает раз в год совершать их отпевание в Успенском соборе, так как там хранится ее икона Одигитрия. С этого времени началась традиция: *«в Семик приходят люди – родственники самоубийц, и подают записочки. Совершается литургия, и за этой литургией раз в год поминаются самоубийцы на проскомидии, на ектении и после литургии совершается чин отпевания заочно. Читаются имена. То есть их поминают и в алтаре»* (Смоленская епархия, 2014). В этот же день исключительно в Успенском соборе положено отпевать всех жителей епархии, кто добровольно ушел из жизни, но по получении разрешения от церковных властей<sup>142</sup>. Последнее обстоятельство, судя по реально существующей практике, подтвержденной и опросами населения как на Смоленщине, так и в соседних регионах, не всегда учитывается собирающимися из разных мест родственниками погибших с целью помянуть своих близких. Если молодые люди отказываются от права на жизнь, не задумываясь о своем посмертном будущем, то их родных не перестает мучить мысль о предстоящем за страшный грех наказании. Не только из соседних российских областей, но и из Белоруссии, и даже Украины едут родные самоубийц, многие из которых уверены в том, что в Смоленске поминуют и провожают всех самоубиенных, независи-

<sup>139</sup> Русские крестьяне... СПб., 2007. Т. 5, ч. 2. Вологодская губ. С. 152.

<sup>140</sup> Русские крестьяне... СПб., 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 284; Русские крестьяне... Новгородская губ., Череповецкий у. С. 429.

<sup>141</sup> Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1997. С. 529.

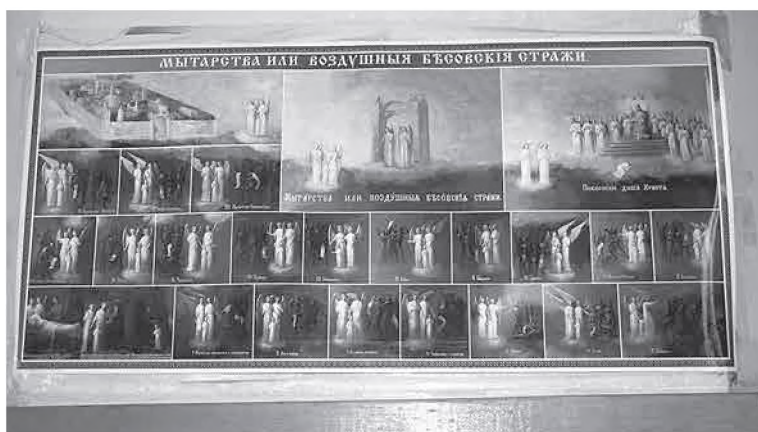
<sup>142</sup> Некоторые смоленские священники считают, что, начиная со времени управления епархией епископом Феодосием (1970–1980-е годы) церковные власти склонны усматривать сам факт суицида как явное проявление психических отклонений или результат психической неустойчивости, такой же точки зрения придерживаются некоторые католические священники в соседней Белоруссии. Эта тенденция находит основание и у психологов.



мо от полученных разрешений. Изобилие народа в Успенском соборе в этот день показывает, что вера в загробную жизнь по учению церкви сохранила свои позиции в сознании русских, несмотря на длительные годы атеизма и слабые проявления религиозности в целом. Как говорят смоленские священники, *«в этот день в Соборе как будто Пасха. Народа полно, приезжают и из Калуги, из Твери. Потому что в нашей стороне, и в Белоруссии – это единственное место, где отпевают. Таких мест по России три или четыре»* (с. Темкино Темкинского р-на.).

В настоящее время в связи с участвовавшими случаями добровольного ухода из жизни и трагическими настроениями родных и близких умершего Священный Синод РПЦ утвердил «Чин молитвенного утешения сродников живот свой са-

ем в борьбу, это надо осознавать» (с. Кузьмичи Ершичского р-на Смоленской обл.). Более того, не все священники готовы подчиниться распоряжениям епархии: для одних причиной отказа становится обостренное восприятие ситуации у тела самоубийцы, отсутствие готовности противостоять нечистой силе, что отчасти связано с молодым возрастом и отсутствием опыта, у других – уверенность в бесполезности и ненужности церковного спасения человека, отказавшегося от Бога. *«Я боюсь самоубийц отпевать, у меня немощь. Нельзя ведь поминать. Владыка дает разрешение, но я боюсь. Отец Иоанн Крестьянкин мне сказал – Владыко благословил отпевать самоубийц – на нем грех, а на тебе свой»* (с. Кремлево Скопинского р-на Рязанской обл., 1998); *«Слышал от одного – стал заикаться от отпевания покойников, так как очень тяжело работать с самоубийцами»*. (о. Александр, Унеча Брянской обл. 2014); *«За самоубийцу мать может только дома молиться, может мч. Уару, Божьей Матери, святому самоубийцы. Их не отпеваю. По разрешению архиерея можно отпевать и предавать земле, но я не отпеваю. Он себя предал сатане, это может и не священник [решает]. Это древнее правило. И толку не будет, и спасения никакого никогда»* (о. Сергей, с. Некрасовка Ермишинского р-на Рязанской обл.). Желание родственников обеспечить самоубийце спокойный уход в иной мир заставляет их, что



Плакаты Хождение по мытарствам в церкви св. Константина и Елены. Симферополь 2012 г.

мовольно скончавшего». Но церковные проводы и поминания по-прежнему Церковь разрешает лишь после врачебного подтверждения психических отклонений у самоубийцы. Как показывают беседы с приходскими священниками, в разных епархиях и даже разных приходах полученное на отпевание разрешение реализуется по-разному – от совершения полного чина отпевания в соответствии с обычной практикой до совершения таинства только вне алтаря в присутствии родных. Постановления Синода обязательны для священников, но многие из них испытывают трудности в совершении таинства: мистическая нечистота ситуации, сопричастность к смерти нечистых сил чувствуется ими гораздо более остро, чем обычными мирянами. По словам одного из монашествующих священников *«за самоубийцу молиться страшно, они же в Ад пойдут, а мы берем на себя тяжесть борьбы за этого человека. Когда мы молимся, мы вступа-*

ем в борьбу, это надо осознавать» (с. Кузьмичи Ершичского р-на Смоленской обл.). Более того, не все священники готовы подчиниться распоряжениям епархии: для одних причиной отказа становится обостренное восприятие ситуации у тела самоубийцы, отсутствие готовности противостоять нечистой силе, что отчасти связано с молодым возрастом и отсутствием опыта, у других – уверенность в бесполезности и ненужности церковного спасения человека, отказавшегося от Бога. *«Я боюсь самоубийц отпевать, у меня немощь. Нельзя ведь поминать. Владыка дает разрешение, но я боюсь. Отец Иоанн Крестьянкин мне сказал – Владыко благословил отпевать самоубийц – на нем грех, а на тебе свой»* (с. Кремлево Скопинского р-на Рязанской обл., 1998); *«Слышал от одного – стал заикаться от отпевания покойников, так как очень тяжело работать с самоубийцами»*. (о. Александр, Унеча Брянской обл. 2014); *«За самоубийцу мать может только дома молиться, может мч. Уару, Божьей Матери, святому самоубийцы. Их не отпеваю. По разрешению архиерея можно отпевать и предавать земле, но я не отпеваю. Он себя предал сатане, это может и не священник [решает]. Это древнее правило. И толку не будет, и спасения никакого никогда»* (о. Сергей, с. Некрасовка Ермишинского р-на Рязанской обл.). Желание родственников обеспечить самоубийце спокойный уход в иной мир заставляет их, что

не редкость, утаивать причины смерти при обращении в церковь. В таких случаях, как признаются священники, сакральная нечистота смерти сказывается при совершении службы. *«Сейчас много среди молодежи убийств и самоубийств. А иногда родственники обманывают, но всё равно священник чувствует – тяжелее отпевать. А если даже обманули, отпели, то всё равно на этих людях грех, они страдают. Неправильно отпелый человек беспокоит этих людей, приходит его душа»* (пос. Хальч Гомельской обл.).

Не только церковь, но и местные «читалки», т.е. лица, чтением псалтыря и молитв облегчающие участь души умершего, не считают возможным оказывать христианскую помощь самоубийцам. В данном случае ни родственные связи, ни жалость к покойному не перевешивают чувство страха. *«У знакомой родственник повесился, и она ходила спрашивала: может читать по нем, поминать*

на родительские субботы? Батюшка сказал, что нет. И она говорит: “Батюшка сказал нет, значит, я не буду”. Он сказал: “Ты грех и на свою семью навлечешь, и на меня, и на себя, что не положено”» (с. Тимгенево Сасовского р-на Рязанской обл.). Чтение молитв у тела умершего всегда несет идею создания такой сакральной ситуации, которая поможет его душе противостоять нападкам нечистой силы. Но душа, отвернувшись от Бога, теряет свое христианское наполнение, т.е. основу своей вечной жизни. Убеждением в том, что самоубийца одновременно убивает и свою душу, объяснила свой отказ от молитвенной помощи одна из деревенских читалок. «Не хочу читать по ним (самоубийцам. – Т.Л.). “Помяни, Господи, бывшую душу”. Я поминаю “бывшую душу”. Это в любой день можно» (с. Тимгенево Сасовского р-на Рязанской обл.).

В настоящее время Церковь постоянно информирует прихожан о том, что даже при отсутствии церковного поминания домашние молитвы разрешены и могут облегчить загробную участь самоубийцы. Но в конце XIX в. русские крестьяне исключали возможность и таких молитв, резонно полагая, что просьбы о грешнике, отвернувшемся от Бога, могут навлечь наказания и на них. Об этом не раз упоминали дореволюционные источники. «На самоубийство крестьяне смотрят не как на преступление. Но как на тяжкий грех и этот грех самоубийце никогда не простится, и даже за самоубийцу молиться грех»<sup>143</sup>; «Местные крестьяне считают самоубийство незамолимым грехом. Многие думают, что жалеть и молиться о самоубийце грешно»<sup>144</sup>. Даже в тех случаях, когда врач и полиция давали разрешение на церковные проводы в связи с психическими отклонениями у самоубийцы, крестьяне не считали возможным молиться за него. Корреспондент из Вологодского у. описывал конкретный случай суицида и отклик на него родных погибшего. Повесившегося крестьянина освидетельствовали на предмет причины самоубийства: «Врач анатомировал покойника и нашел у него неполадки в мозгах, дано было разрешение похоронить, и мертвеца похоронили. Жена и дети ужасно плакали, родные и соседи утешали, как могли, но она на все утешения говорила: “Не так было бы жаль, если бы умер то по-христиански, покался перед смертью, а то теперь за него и молиться то нельзя”»<sup>145</sup>. Как

показывают полевые исследования, до сих пор в сельской местности ходят рассказы о наказании тех семей, где поминают самоубийцу. Например, священнику из Тамбовской епархии не раз приходилось слышать от прихожан о том, что молитвы за погибшего вызовут еще один аналогичный уход из жизни кого-то из родственников (Тамбов, о. Петр). По мнению жителей Щорсовского р-на Украины, самовольное совершение при проводах самоубийцы каких-либо действий, относящихся к церковному обряду, привлечет в семью смерть. Именно о таком случае рассказали нам жители д. Ключсы. «Сын покончил с собой. В епархии не дали разрешения на церковный провод. То есть ничего церковного – венчик, проводную и т.д. класть в гроб нельзя. Говорят, если нарушить запрещение и положить, то кто-нибудь в семье умрет. Видели, что Светка что-то такое [церковное] в могилу кинула, и вскоре дедушка умер» (Щорсовский р-н Черниговской обл.).

При проводах самоубийцы менялся и весь порядок обязательных домашних поминок с их традиционным ритуальным поведением присутствующих и поминальной пищей. Как указывают дореволюционные материалы, «никогда не делают поминок по самоубийцам»<sup>146</sup>. И в настоящее время, если даже безутешные родственники устраивают поминальный обед, то в самом скромном и скорбном варианте, иногда и с отказом от традиционных поминальных блюд. «Поминают их сушками, сухариками, то есть не так, как по-нормальному» (с. Мамасево Клепиковского р-на Рязанской обл.).

Как церковное учение, так и народная религиозная традиция считали обязательным «правильное» захоронение умершего – на освященном кладбище с положенными обрядами. Только соблюдение всех правил похорон включало оба установленные от Бога посмертные процесса, т.е. разделение материальной и духовной сущности человека: тело уходило в землю, становилось прахом, а душа в посмертные странствия. Душа непохороненного человека, как верили, была обречена скитаться по земле. Такая же участь ожидала и душу самоубийцы. Весь порядок похорон, все устоявшиеся правила заботы об умершем, целью которых было обеспечить положенный христианину переход в иной мир, всё должно было подчеркнуть «нечестивость» покойного – самоубийцы, отторжение его от упорядоченного мира людей, живущих по зако-

<sup>143</sup> Русские крестьяне... Т. 5, ч. 1. Вологодская губ. Вологодский у. С. 434.

<sup>144</sup> Русские крестьяне... СПб., 2006. Ярославская губ., Ростовский у. С. 385.

<sup>145</sup> Русские крестьяне... Т. 5, ч. 1. С. 434.

<sup>146</sup> Русские крестьяне... Ярославская губ. С. 217.

нам христианства.

До сих пор крестьяне свято соблюдают обычай: умерший должен уйти в последний путь из своего дома, тем более ощутимо связь с отчим домом чувствовалась в прошлом. Дом мыслился как хранилище родовых устоев, и уход из него в загробный мир гарантировал приобщение к уже умершим предкам. Самовольный уход из жизни нарушал принятый, освященный традицией порядок. Как писали очевидцы из Петербургской губ. *«в здешних местах самоубийцу считают грехом вносить в избу, — его надо нести на ночь в церковь»*<sup>147</sup>. Мог меняться и характер похоронной процессии: *«Самоубийц не несут, а везут на телеге до кладбища»*<sup>148</sup>. Последний покой жители каждого селения получали на местных кладбищах, на освященной земле. Но такую землю, как считали все православные, не должно было осквернять тело самоубийцы. Многие полагали, что человек, совершивший столь тяжкий грех, вообще не достоин упокоения в земле. *«Самоубийцу не жалеют, удивляются, зачем их хоронят на кладбище: по мнению народа, самоубийц следовало бы сжигать»*<sup>149</sup>. Но поскольку ни одно тело, согласно установленному государством и обычаем порядку, не должно было оставаться без погребения, традиция определяла особые правила для похорон самоубийц. Как говорили жители Пошехонского у., *«в прежнее время, где самоубийц находили, на том месте и хоронили»*<sup>150</sup>. Из других сообщений видно, что к концу XIX в. церковно-государственный порядок несколько уравнивал самоубийц «в правах», во всяком случае, в определении места захоронения. *«По рассказам в прежнее время самоубийц хоронили в лесу без отпевания. Один крестьянин рассказывал, что его родственница задавилась, и когда просили у священника, где хоронить самоубийцу, священник велел свезти в лес и там зарыть. В настоящее время, если случится самоубийца или утопленник, то сейчас же дают знать становому, и хоронят самоубийц где-нибудь в уголке у самой церковной ограды»*<sup>151</sup>. По сведениям известного исследователя народных обычаев С.В. Пахмана в

Сычевском у. Смоленской губ. *«пахотная земля разделяется межниками, а луга делятся концами. По суевериям — на межниках есть что-то особое. В былое время на межниках, а чаще при концах, хоронили удушенных и вообще самоубийц, также вбивали на межниках колья, если умирали знахари и знахарки — чтобы после смерти не приходили в деревню»*<sup>152</sup>.

По распространенной в конце XIX — начале XX в. традиции могилы самоубийц уже не располагались произвольно, но должны были находиться у общих мест захоронения. Однако религиозные убеждения жителей, их желание подчеркнуть отличие самоубийцы от мира «чистых» умерших, перешедших в разряд *родителей*, требовали и изменения порядка захоронения, что в каждом отдельном селении решали по-своему. Наиболее распространенной традицией можно считать расположение могил рядом с границей кладбища, но не внутри. *«Хоронят вне церковной ограды или под самую ограду»*<sup>153</sup>; *«хоронят не на общем кладбище, а вблизи его, в одном месте, где всех самоубийц, опившихся и утопленников»*<sup>154</sup>; *«Где-нибудь в углу. Поотдаля от других могил»*<sup>155</sup>; *«Хоронят без провод и отпевания за церковной оградой в поле и не делают могилы, и не ставят креста»*<sup>156</sup>.

При захоронении меняли даже порядок расположения тела в могиле: отказавшийся от Бога самоубийца не должен был, как все православные, смотреть на восток в ожидании второго пришествия. Ему уже было определено другое место — в Аду. Неуместен был на могиле самоубийцы и крест — символ причастности к Царству Божию. Как вспоминают жители пос. Слобода Брянской обл., *«всегда клали ногами на восток. А самоубийц поперек на окраине кладбища. В деревнях неокрещенных и самоубийц не разрешали хоронить в центре кладбища. Только на окраине, поперек и без креста»* (Клинцовский р-н.). Судя по полевым материалам, собранным в разных областях России, данный порядок захоронений сохранялся в сельской местности еще и в довоенное время (1940-е годы) и даже позднее. Многие

<sup>147</sup> Русские крестьяне... СПб., 2009. С. 378.

<sup>148</sup> Русские крестьяне... СПб., 2005. Калужская губ. Мещовский у. С. 510.

<sup>149</sup> Русские крестьяне... СПб., 2009. Санкт-Петербургская губ. С. 378.

<sup>150</sup> Русские крестьяне... Ярославская губ. Ч.1. 2006. С. 599.

<sup>151</sup> Русские крестьяне... Новгородская губ., Череповецкий у. С. 506.

<sup>152</sup> Пахман С.В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губ. // Сборник народных юридических обычаев. Т. II. Записки ИРГО. Т. XVIII. СПб., 1900. С. 79.

<sup>153</sup> Русские крестьяне... СПб., 2007. Т. 5. Вологодская губ., Грязовецкий у. С. 378.

<sup>154</sup> Русские крестьяне... СПб., 2004. Костромская и Тверская губернии. С. 284.

<sup>155</sup> Русские крестьяне... Новгородская губ., Череповецкий у. С. 196.

<sup>156</sup> Русские крестьяне... СПб., 2008. Т. 6. Псковская губ. С. 294.



наши собеседники и сейчас считают оправданным и желательным сохранение знакового выделения могил самоубийц.

Кладбище воспринималось всегда как своего рода проекция перенесения существующей на земле социально-религиозной общности в загробный мир, и исключение из нее должно было казаться особенно страшным для крестьян с присущим им общинным самосознанием. Не менее страшным должно было казаться и еще одно связанное с нарушением обычного порядка ухода из жизни наказание. По мнению верующих, земля — как материнское лоно принимающая всех умерших, отторгала тело самоубийцы, лишенное положенного посмертного христианского благословения, а вследствие этого и душа его не могла покинуть этот мир. Рассказы на тему явлений вечно скитающейся у мест обитания тела души — обычный, наполненный ужасающими подробностями сюжет мифологических рассказов в русской деревне. *«Самоубийц зарывают как скотину, то есть без провод, а не проведенные, по поверью, всегда скитаются по земле. Поэтому в народе очень часто ходят страшные слухи и доходят до того, что многие уверяют, что видели самоубийцу, как он плакал и бился на своей могиле, или что встретили его белого, как смерть, около церкви, где он молился богу должно полагать о своих грехах; а также рассказывают, что являются своим родным и укоряют их, что они допустили их до самоубийства»*<sup>157</sup>. Еще более страшная картина виделась жителям Калужской губ., которые верили, что *«души самоубийцы, опившихся и души великих, не раскаявшихся грешников... остаются около тела, но и здесь они испытывают уже те адские муки, которые приготовили себе на том свете. По ночам к этим душам слетаются такие же несчастные души, и, принимая вид черных кошек, кричат вместе с демонами, наводя ужас на всех окружающих Души самоубийц и опойцев часто принимают вид лошадей, и по ночам на них катаются черти»*<sup>158</sup>.

Для религиозно настроенных крестьян подобные сюжеты не являлись лишь частью отвлеченных представлений, они реально актуализировались в соответствующих случаях, определяя характер поведения сельчан. *«О самоубийцах, утопленниках*

*и утопленниках говорят, что души их в образе человека пребывают дома и пугают своих родных до тех пор, пока последние не замолят их грехи. В тех селениях, где появляются утопленники и самоубийцы, вообще женщины и дети боятся по ночам выходить на улицу или двор и берут провожатых»*<sup>159</sup>. Представления о «ходячих покойниках» в том конкретно-образном варианте, какой известен и по исследованиям ученых, и по многочисленным архивным материалам, не имеют прямых обоснований в учении православной церкви. Однако истоки их надо искать, конечно, в ее концепции сущности души и ее существовании в земном и загробном мире.

Выход за рамки привычного течения жизни, отход от традиционных норм, за которым виделось негативное влияние иноприродных сил, всегда внушал окружающим страх, который можно отнести к архетипичным особенностям религиозного мышления людей. В сознании православных крестьян этот природный страх дополнялся религиозным видением ситуации при самоубийстве и его последствиями. Эти факторы определяли ритуальную обрядово-поминальную практику, а также чувство неприятия даже к тем, кто только покушался на себя. Так, по сведениям корреспондента из Вельского у., одна женщина в селе «от деспотического обращения мужа» пыталась повеситься. Из-за этого *«соседи на первых порах чуждались покушавшейся, но потом мало-помалу отношения восстановились прежние»*<sup>160</sup>. Страх перед неизбежным конкретным наказанием, которое усугубят отказ Церкви в молитвах о помиловании и особые правила похорон, перспектива оказаться «ходячим покойником» — всё это не могло не сказываться на статистике самоубийств. Авторы корреспонденций из разных регионов России, хорошо знакомые с жизнью крестьян, подчеркивали, что в крестьянской среде самоубийства — явление почти не существующее. *«Намеренных самоубийц в нашем приходе (равно и в окрестностях) можно сказать, не бывает»*<sup>161</sup>; *«Случаи самоубийства очень редки; о них рассказывают как о давно случившемся (за последние десять — одиннадцать лет ни одного случая не было, кроме прошлого 1899 г.)»*<sup>162</sup>. Причем, как подчеркивают авторы сообщений, основная причина отсутствия

<sup>157</sup> Там же.

<sup>158</sup> Русские крестьяне... Калужская губ. Жиздринский у. С. 138–139. Этот сюжет чаще бывает связан с пребыванием самоубийцы в Аду, о чем и сейчас можно услышать от старых людей.

<sup>159</sup> Русские крестьяне... Калужская губ., Тарусский у. С. 139.

<sup>160</sup> Русские крестьяне... Вологодская губ., Вельский у. С. 111.

<sup>161</sup> Русские крестьяне... Вологодская губ., Вельский у. С. 111.

<sup>162</sup> Русские крестьяне... Калужская губ., Мещовский у. С. 561.

самоубийств — религиозные убеждения народа. «Так как самоубийство в народе данной местности считается за тяжкий грех, за который, по их мнению, Бог накажет, то и случаев самоубийств не бывало, и никто не помнит ни одного случая»<sup>163</sup>; «Самоубийство считается величайшим преступлением. Самоубийц народ не поминает в своих молитвах. Самоубийство — редкое преступление в селениях, а в старое время в особенности»<sup>164</sup>. Приведенные цитаты свидетельствуют не только о нераспространенности случаев суицида, но и, к сожалению, об ощутимой тенденции их увеличения. Данный факт не удивляет, учитывая ослабление религиозности на рубеже XIX–XX вв. и популяризацию атеистических взглядов. Анализируя ситуацию в конце XIX в. и определяющие ее факторы, исследователи приходят к обобщающему выводу: основная причина самоубийств — «отсутствие главной идеи — веры в бессмертие души... В этом смысле наш индифферентизм (совершенная холодность в вере) как современная русская болезнь заела все души»<sup>165</sup>.

Возможно, в советское время жизнеутверждающие идеи как принцип подхода к жизни, обещания светлого будущего на земле в чем-то выполняли задачу того идеологического стержня, который удерживал от самоубийства в религиозном обществе. В настоящее время какие-либо выдвигаемые обществом и государством идеи практически ничего не дают для формирования у населения такого самосознания, которое бы исключало возможность суицида. Кроме того, та ценность каждой жизни, которую утверждала церковь, ушла из общественного сознания. Тем не менее поведение близких самовольно ушедшего из жизни человека показывает если не их убежденность, то допущение загробного наказания, о котором говорит церковь. Отсюда и просьбы о разрешении церковных проводов, и поиски различных способов облегчить участь погибшего. Таковые были распространены и в дореволюционное время, один из самых распространенных — отлитие церковного колокола. Могли встречаться и локальные варианты предпринимаемых действий, например включение луковичи, о символическом значении которой говорилось выше, в похоронные обряды. Приведу один из примеров. «Чтобы вызволить душу самоубийцы от нечистой силы, нужно раз-

дать 1000 луковок для поминовения или слить колокол для церкви, и этот колокол в течение 30 лет отзвонит его душу от мучений, и после этого самоубийца будет прощен Богом»<sup>166</sup>. В современной обрядовой практике встречаются действия, явно сохраняющие традиции прошлого. К таким относится обрядовый вариант, существующий в Рязском р-не, совмещающий молитвенные просьбы с обычаем сыпать зерно на могилы, предназначавшееся для птиц, которые, по поверьям, связывали земной и загробный мир. «По самоубийце — рожь насыпает кто-то на могилы, вроде у нас сорок дней каждый день. И там лампадка плохо горела, а потом лучше. Вымолила из Ада» (с. Пупки Рязанской обл.). Наказание за содеянное, как по-прежнему считают сельские жители, последует в мире нематериальном, а потому закономерны поиски помощи погибшему грешнику — православному по крещению, в пространстве христианской веры. Так, распространение получает следующий обычай, о котором сообщил священник из с. Ардабьево Касимовского р-на. «Иконы по самоубийцам жертвуют родные “Взыскание погибших”. Это мне сами прихожане сказали, что один московский священник — духовник так сказал. Молиться нельзя за него (самоубийцу. — Т.Л.), а икону можно. У нас таких икон несколько. И родные обязательно перед своими свечку ставят и на крестном ходу несут свои» (Рязанская обл., 1997). Священник не препятствует новой традиции, хотя и говорит своим прихожанам о невозможности молиться за самоубийцу даже перед этой иконой.

**Аборты.** Одним из самых страшных деяний против нравственного закона христианства считалось плодоизгнание. Церковь относилась к категории тяжких грехов, а государство расценивало как преступление. Включая убийство нерожденного ребенка в число поступков, обреченных на наказание именно в загробном мире, церковь сформировала народную этику деторождения, обеспечив тем самым постоянный прирост населения. По мнению верующих, прерывание беременности либо лишало жизни наделенное душой живое существо, либо губило его, не дав обрести предназначенную ему душу<sup>167</sup>. Сообщение корреспондента из Калужской губ. относительно народной этики деторождения полностью согласуется с абсолютным большин-

<sup>163</sup> Русские крестьяне... Новгородская губ., Череповецкий у. С. 613.

<sup>164</sup> Русские крестьяне... 2006. Ч. 1. Ярославская губ., Пошехонский у. С. 599.

<sup>165</sup> Загробная жизнь. С. 14.

<sup>166</sup> Верования и суеверия // Могилевские губернские ведомости. № 20. 1869. 10 мая.

<sup>167</sup> Листова Т.А. Народные представления о душе, связанные с деторождением // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв. / Отв. ред. О.В. Кириченко. М., 2002.

ством сведений по данному вопросу. Он писал: «В зародыше народ признает уже христианскую душу, которую загубить так же грешно, как и всякую крещеную душу»<sup>168</sup>.

Церковное учение, утверждая крайнюю греховность аборта и загробную ответственность матери, не дает какой-либо разработанной теории дальнейшей участи нерожденных детей<sup>169</sup>. Народная же религиозность, руководствуясь мыслью о том, что данная от Бога душа не может исчезнуть бесследно, дополнила картину загробного мира образами мучений погибших по вине матери младенцев, что должно было усилить воздействие на репродуктивное поведение женщин. Расцвет мифологической разработки различных сюжетов, связанных с плодизгнанием, относится к послереволюционному периоду, хотя появлялись они и ранее, во всяком случае, в начале XX в. С 1920-х, и особенно с 1930-х годов (несмотря на запрет аборт в 1936 г.) указанные явления стали носить массовый характер, еще более распространились они после официального разрешения прерывания беременности в 1955 г., на что православная народная этика, а может быть, и чувство греха, откликнулись встречным движением. Существовавший фольклорный фонд наполнился разнообразными сюжетами, назначением которых было одновременно оживить материнскую жалость к нерожденным детям и напомнить о неизбежной каре Божьей<sup>170</sup>. «Как одна обмирала и рассказала, как была на том свете. Там один дедок ей сказал, что самый большой грех — это аборт. Молоко изо рта так целый день и течет. “Аборт — это как человека убить, даже хуже, не пожил ведь!”»<sup>171</sup>. Нахождение погубленных младенцев в темных, грязных местах, отделение их от счастливой массы умерших маленьких христиан — это обычный сюжет тех снов, которые мучили и мучают раскаивающихся матерей. Рассказы на эту тему мы записывали неоднократно, особенно в Тамбовской, Рязанской, Пензенской областях, для населения которых характерно сохранение многих религиозных устоев (хотя бы на уровне знания и предпочтения). Такие рассказы могут быть результатом собственного мистического опыта матерей, но чаще являются обобщенным фольклорным вариантом, который можно выде-

лить в отдельную категорию народного творчества, имеющего явную дидактическую направленность. «Аборт — это грех большой, дети убитые будут лежать в кровавом озере. Когда я умру, на их место попаду. На Суд Божий явлюсь с проткнутыми ноздрями» (с. Ольховка Инжавинского р-на Тамбовской обл.); «Одна говорит: “видела озерко или болото и как маленькие поросятки там купаются. В этой грязи копаются, копаются. Я говорю: чьи же это поросятки? — Мне говорят: и твой есть”. Она аборт делала» (пос. Ухолово Рязанской обл.).

Один из наиболее ярких и устрашающих воображение сюжетов таких сновидений — это картины встречи матерей и их недопущенных к жизни детей в загробном мире. Анализ их содержания позволяет выделить две особенности народной реконструкции сущности прерывания беременности и ее последствий: плодизгнание приравнивается к «поеданию» своих детей змеей, кроме того, в них утверждается возможность продолжения жизни нерожденных детей в ином мире. Причём совмещение двух, казалось бы, несовместимых ипостасей бытия — уничтожение жизни и её продолжение должно убедить читателя в том, что физическое убийство нерожденного ребёнка не приводит к окончанию его существования, продолжающегося в ином мире. В сборнике фольклорных материалов А.Е. Бурцева приводится «Легенда о Пелагее», содержащая один из довольно распространенных и в наше время вариантов загробных мучений женщин, которые после смерти «соединяются» со своими детьми. По словам проспавшей три дня Пелагеи, она побывала «на том свете», где встретила с умершей уже давно девушкой Анной, затем «муж в светлых ризах — вышний небесный» показал им мучения различных видов грешников: «Котел со смолой кипит, в котле женщина кипит и говорит: “Ой, согрешила я, блудница прелюбодейка и чародейка детоубийца”, а сквозь ребра то младенчики торчат и все кричат: мать наша детоубийца»<sup>172</sup>. Более того, народная религиозность, глубоко усвоившая идею единства божьего мира, допускала продолжение зародившейся, но нереализованной детской жизни в мире загробном, где нерожденное дитя продолжало возрастать согласно законам земной жизни.

<sup>168</sup> Русские крестьяне... Калужская губ., Мещовский у. С. 559.

<sup>169</sup> Приравнивая их часто к категории некрещенных младенцев.

<sup>170</sup> Листова Т.А. Человек в образно-мистическом мире народного православия // Традиционная культура русских Рязанской обл. XIX–XX. / Отв. ред. С.А. Иникова. М., 2009.

<sup>171</sup> Легенды, предания, устные рассказы Брянской области. С. 107. Пос. Червонный Яр Стародубского р-на.

<sup>172</sup> Бурцев А.Е. Указ. соч. С. 34. По-видимому, данное произведение имело широкое хождение среди крестьян. Аналогичный текст о сновидении девицы Пелагеи приводит и корреспондент из Костромской губ.. Русские крестьяне... Костромская и Тверская губернии. С. 140.



В одном из вариантов распространенного на Рязанщине рукописного текста «Писание за Веру» попавшей на небо Вере Богородица показывает сцены страшных мучений грешников. Вера приходит в большой дом, где «стены были увешаны кусками черного гнилого мяса. Женщины поедали это мясо нехотя с отвращением и рвотой, но их молодые юноши заставляли есть без конца, не давая покоя ни на одну минуту». Богородица объяснила Вере, что «это матери, которые поедают свой плод в утробе, делая аборт. А это юноши, которых они убили во чреве. Видишь, они выросли здесь и упрекают матерей, что они их убивали немилосердно. Это тяжелый грех матери. Они понесут это великое наказание от Господа. Одна минута жизни в утробе матери — и уже есть душа, от Бога данная» (с. Архангельское Милославского р-на Рязанской обл.).

С начала 1990-х годов, с возвращением религии в жизнь общества, начинается и катехизаторско-миссионерское просвещение русского народа, считающего себя православным, но потерявшим живую связь с верой предков. Наряду с трудами Отцов Церкви и видных богословов получают распространение и популярность религиозные издания, нравственно-дидактические сюжеты которых близки существующим в народе представлениям. В их задачу не входит приобщение читателя к глубинам христианского учения. Их цель, как и апокрифических текстов, и духовных стихов, посредством угрозы неизбежного наказания вновь активизировать нормы нравственного поведения и, прежде всего, поставить преграды на пути страшного греха плодизгнания. Подобные брошюры могут содержать тексты различных сновидений, аналогичные приведенным выше, в которых сверхъестественное знание и видение иного мира приходит к спящему человеку с помощью божественных сил. Таковым является, например, вариант «сновидение Веры», в котором Вера видит во сне пропасть, в которой «кишат в крови дети, изверженные из чрева матерей». А рядом с ней оказывается «бес с хатией, заполненной её грехами, и показывает в пропасть, что, мол, там и твой»<sup>173</sup>.

Идея взросления нерожденных детей в загробной жизни встречается в трудах отцов церкви, хотя в целом они не уделяли большого внимания ее разработке. По словам св. Ефрема Сирина, «кто умер во чреве матери и не вступил в

жизнь, того Судия сделает совершеннолетним в то же мгновение, в которое возвратит жизнь мертвецам. Младенец, которого мать умерла вместе с ним во время чревоношения, при воскресении предстанет совершенным мужем и узнает мать свою, а она узнает детище свое»<sup>174</sup>. Как нередко пишут в современных церковных брошюрах, погибшие в результате аборта дети явятся, как и все жители земли, на Страшный Суд «в возрасте Христа»<sup>175</sup>, что уже подразумевает их загробное взросление.

Данное видение проблемы плодизгнания не чуждо современным священнослужителям, которые считают желательным включать беседы на эту тему в свою практику окормления прихожан. «Говорят, восстанут они в 30 лет. Это из еврейского народа. Мужчина до 30 лет не считался общественно-совершеннолетним, не мог быть на общественной должности. Тело от родителей, но дух от Бога. При смерти человек лишается тела, но то, что от Бога, не проходит. Аборт — лишают тела, но сделать несуществующим не могут. И мы все равно остаемся родителями. Может быть, родители и встретятся с ребенком, которого убили, и что они скажут!? Существует ли ребенок — а куда он денется! Просто для него смерть наступила раньше, чем для нас» (о. Сергей, г. Медынь).

Можно сказать, что общий постулат церкви, утверждающий крайнюю греховность аборта, ответственность за это родителей, прежде всего матери, наиболее полную разработку получил в среде верующих мирян, а не теоретиков церкви. Тема последствий плодизгнания осталась и вне научных интересов богословов-практиков, чьи труды являлись источником конкретных рекомендаций для религиозного образования православных. Возможно, эти авторы не считали желательным ее активное развитие, поскольку оно уводило в мистические аспекты божьего устройства, соприкосновение с которыми требовало большого духовного опыта, в противном случае могло привести к различным грубым искажениям. В настоящее время основным источником знания о загробном воздаянии за аборт, о страшных картинах адских мучений становятся не рукописные тексты, а упомянутые выше печатные издания с аналогичными сюжетами, достоверность которых, по мнению читателей, опирается на авторитет издающей их церкви. Это касается не только существующих

<sup>173</sup> *Старец Феодосий Иерусалимский. Подвиги и чудеса // Акафист покаянный жён, загубивших младенцев во утробе своей. М., 1995. С. 10.*

<sup>174</sup> Цит. по: «О загробной участи младенцев, не сподобившихся Святого Крещения. М., 2004. С. 5.

<sup>175</sup> Акафист покаянный жён ... С. 4.

представлений, но и молитвенной практики верующих женщин. Функционально предлагаемые церковью молитвы относятся к циклу покаянных молитв и содержат обращенную к Богу и Богородице просьбу матери о прощении собственного греха и (или) спасении погибших по её вине детей с мольбой вывести «чад моих из вечного Ада»<sup>176</sup>. Домашние молитвы, которые мы записывали от пожилых женщин в последние десятилетия, часто представляют собой своеобразное соединение рекомендуемых церковью молитвенных текстов с привычными образами из народного религиозного фольклора, в свою очередь заимствовавшего их из духовных стихов и апокрифических сочинений. *«Теперь я буду, Всесвятая, тебя просить, своими кровными слезами ты нам Мати, помоги, моих чадов невинных из ада выручай. Моли ты сына своего за грехи мои, да не осудит он меня на Страшном суде. Согрешила Отче святой я пред тобой, чад своей рукой в озеро вместила, где зной и ад. И только теперь я, творец, узнала, что душа моя погибла. ...огонь горит, смола кипит, вода в море возмущается, тучи черные и хмурые возвиваются, земля стонет от ваших грехов. Кайтесь, рабы, просите милость Отца небесного, Создателя, творца о прощении грехов ваших и ваших детей, что набросали в помойное озеро и забыли о них»* (с. Тимгенево Сасовского р-на Рязанской обл.).

Сформировавшаяся у русских культура деторождения, исключавшая возможность искусственного прерывания беременности, контролировала поведение не только беременных женщин, но и лиц, помогавших при родах. Поскольку принятие новорожденных в крестьянской среде было в руках бабок-повитух, отвечавших за сохранение жизни младенца, народная религиозность включала в число смертных грехов возможное нарушение ими своих обязанностей. На вопрос о том, «может ли бабка выгнать ребенка до срока?», заданный корреспондентом Тенишевского бюро из Мещовского у., крестьяне категорически отвергли такую возможность со следующей мотивацией: *«какая ж беспутёвая возьмется за такое паскудное средство? Это уж прямо надо душу свою в ад пустить; а что бабка, знамо, всё может сделать, это ей пустяки, да только не захочет она брать на себя грех чужой на душу:*

*и грешно, и опасно, говорят, это дело»*<sup>177</sup>. Даже одно подозрение на соучастие в прерывании беременности у женщин могло лишить бабку доверия односельчан, лишить ее повивальной практики и вызвать негативное отношение в крестьянском социуме<sup>178</sup>. Расплата за нарушение нравственного закона неминуемо ждала их в загробном мире, кроме того, преступление против родового закона жизни могло вызвать наказание еще на земле. Причем в рассказах на эту тему очевидна уверенность в сохраняющейся связи нерожденных детей не только с матерью, но и с способствовавшей их гибели повитухой. Погубленные дети попадают в категорию маргиналов: зародившиеся — они будут существовать вечно, но, не появившись на земле, они нарушают порядок соединения земного и загробного мира. Один из рассказов на данную тему приведен в воспоминаниях о жизни блж. Настеньки из г. Вязьма. По воспоминаниям очевидцев, к Насе пришли две женщины. Одна из них была врач-гинеколог с жалобой на сильные боли в животе. *«Это в 1954 г. Посмотрела на врача Настя и говорит: “Ну что, душегубка, пришла? Живот болит у тебя — это младенцы загубленные сосут твою кровь. Тебе от старого торжища до собора Троицкого нужно на коленях ползти, да сажён через двадцать останавливаться и по сотне поклонов делать, да молитвы читать. А потом и мы поможем”*»<sup>179</sup>. В общественной жизни сельского сообщества, прежде всего женской его части, бабка-повитуха занимала почетное место, что сказывалось в различных обрядовых проявлениях, в том числе и при ее похоронах<sup>180</sup>. Иначе в сельской среде оценивали тех, кто помогал избавляться от беременности. Распространение абортной практики на селе в советское время породило рассказы со своеобразным видением похорон подобных «помощниц»: погубленные ими дети не давали умершим спокойно уйти в иной мир. *«Одна женщина делала аборт [женщинам], умерла. Вынесли, вывели ее, и вдруг смотрят: сколько за ней червей ползет, и все в яму. Это абортники все ее. Грех сделавшей, а вдвое той, которая делает. Мало ли, что просят, а ты не делай»* (с. Елизаветино Ельнинского р-на Смоленской обл.).

Существовавшая в дореволюционной России концепция деторождения, обеспечивавшая

<sup>176</sup> «Очисти беззаконие мое». Самара, 1997. С. 22.

<sup>177</sup> Русские крестьяне... Калужская губ., Мещовский у. С. 559.

<sup>178</sup> Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с повивальной бабкой // Русские. Семейный и общественный быт. М., 1989.

<sup>179</sup> Старица Анастасия Вяземская. Жизнеописание по воспоминаниям современников. К 50-летию со дня смерти (27 мая 1959 г.). Вязьма, 2009. С. 45.

<sup>180</sup> Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Этика материнства // Традиционная культура русских Рязанской обл.

постоянный прирост населения — это один из главных результатов нравственно-религиозного влияния церкви. С возвращением православия в общество и активной просветительской деятельностью Церкви для каждой из женщин детородного возраста вновь стал значим религиозный аспект. Но в целом те образно-мистические образы загробного мира, которые исключали альтернативность решения проблемы деторождения, в настоящее время всё же не имеют прежнего значения. Главной же задачей, на мой взгляд, решение которой могло бы кардинально повернуть отношения к абортам, является религиозное просвещение населения, возвращение в сознание русских представлений о человеке, как об обладателе данной от Бога вечной души.

В статье рассмотрены лишь отдельные, но наиболее ключевые аспекты существовавшей в крестьянской среде системы мировосприятия, в которой постоянно соотносились категории греха и загробного воздаяния. Постоянная ориентация на загробный мир — один из наиболее эффективных факторов, определявших всю культуру поведения верующих крестьян. Причем воздействие этого фактора касалось не только конкретных форм поведения, но и в целом рефлексии на окружающий мир, в которой определяющим было напоминание самим себе о том, что все деяния на земле будут когда-то оценены с точки зрения высшей божественной справедливости. Это представление определяло такие черты в характерах русских крестьян, как терпимость, склонность к миролюбию, осуждение злопамятства, что неоднократно отмечали дореволюционные источники. Автор сообщения о нравах крестьян Ярославской губ. писал следующее: «...крестьяне, хоть и оправдывают некоторым образом месть, но оправдывают не вполне, а только “по человечеству”. “Все люди — все человеки — все во грехах ходим, а только мстить друг дружке — грех,” — говорят наиболее благочестивые старики. “Бог с ним, — зачистую говорят крестьяне про обидчика. Бог ему судья. Пускай нас с ним Бог рассудит... На том свете нас рассудят”»<sup>181</sup>. Так же характеризует жизненную позицию крестьян и корреспондент из Вологодской губ.: «Ладно! Пускай обидят, на том свете Бог всё разберет»<sup>182</sup>.

Пришедшие вместе с христианством на Русь понятия Ада и Рая, загробных мучений, мытарств и Страшного суда, значение которых

было особенно велико в первые века обращения язычников в новую веру, постепенно входили в устную традицию, обрастали новыми деталями, со временем гармонично вписавшись в единую православную культуру народа. Собирая сведения и анализируя свои наблюдения, корреспонденты Тенишевского бюро не всегда справедливо оценивали глубину проникновения сложившегося нравственного закона в ментальность крестьянства. К таким поспешным выводам я бы отнесла сообщение из Новгородской губ.: «В загробную жизнь народ глубоко верит и все свои поступки и действия обосновывает на соображении — “что за это на том свете будет”. Я убежден, что если у нашего народа отнять веру в существование Ада, то его нравственный уровень в несколько лет понизится до нуля. Мужик не крадет, воздерживается от разврата и всяких иных поступков, не согласных с общепринятыми законами совести, вовсе не потому, что находит такие поступки безнравственными, а лишь потому, что страшно боится Ада»<sup>183</sup>. Было бы преувеличением сказать, что крестьяне постоянно соизмеряли свои поступки с тем нравственным законом, который сложился под влиянием христианства, но он был образцом, на который считали нужным ориентироваться. Проникновение его в сознание верующих было столь велико, что следование устоявшимся нормам со временем стало не просто выполнением «буквы закона», но действовало уже на уровне интуитивного выбора поведения, близкого по значению тому категорическому императиву, о котором писал И. Кант. Свои позиции сложившаяся культура нравственности сохранила во многом и в так называемое безрелигиозное советское время. Однако нельзя забывать о том, что эффективность нравственного закона опиралась на религиозное восприятие мира — земного и небесного. Десятки лет изгнания церкви из духовной жизни общества, активная секуляризация мышления, начавшаяся еще в дореволюционную эпоху, религиозная безграмотность основной массы народа показывают новую реальность, которая не дает возможности рассматривать влияние учения о загробном мире и его восприятие нашими современниками как прямое продолжение традиций прошлого.

**Современность.** Религиозная ситуация в наши дни, степень и характер проникновения

<sup>181</sup> Русские крестьяне... Ярославская губ. С. 20.

<sup>182</sup> Русские крестьяне... Вологодская губ., Кадниковский у. С. 571–572.

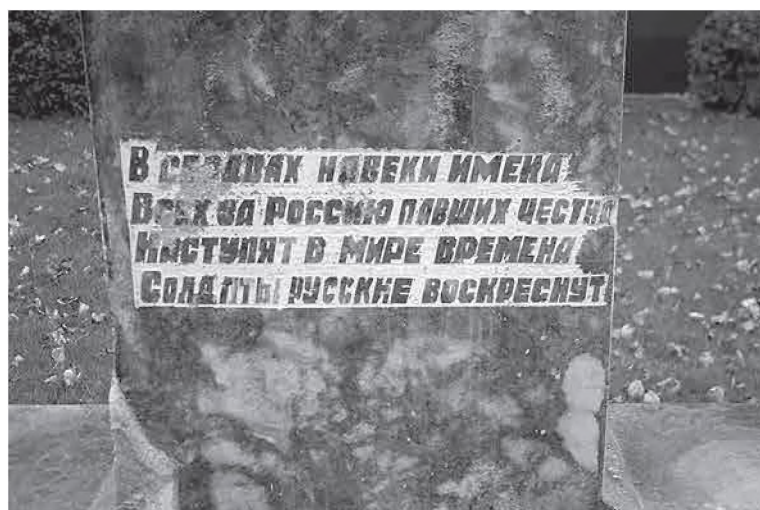
<sup>183</sup> Русские крестьяне... Новгородская губ., Череповецкий у. С. 200.



веры в сознание людей, считающих себя православными — все эти вопросы постоянно обсуждаются в научной и публицистической литературе. Выводы, которые делают исследователи, далеко не однозначны, во многом они зависят от позиции авторов и от оценочных критериев, которые берутся за «точку отсчета». Изучение всех видов религиозности русских уже в течение двух десятков лет является одной из основных задач полевой работы этнографов, собранные материалы позволяют составить представление относительно специфики православия в современном обществе. В данной статье меня будет интересовать лишь образ посмертного существования, его сопоставление с традиционными представлениями о загробном мире и степень влияния на сознание и поведение наших современников. Объектом исследования также стало сельское население, хотя в настоящее время оно уже не представляет собой той многочис-



Памятник воинам-интернационалистам. г. Калач Воронежской обл.



Надпись на памятнике воинам-интернационалистам.  
г. Калач Воронежской обл.

ленной и идеологически единой составляющей общества, каким было крестьянство до революции. Катаклизмы XX в. — войны, революции, социально-экономические переустройства и, главное, изгнание религии из жизни села не могли не привести к существенным трансформациям духовной культуры в целом. Сложность и компилятивность современного сознания позволяет мне сделать лишь некоторые предварительные выводы относи-

тельно обозначенной в статье темы с экскурсами в советское время, никак не претендуя на их бесспорность.

Поскольку смерть по-прежнему остается самым пугающим и таинственным событием в жизни человека, постольку не теряют своей актуальности и проблемы загробного бытия. Современные источники информации, из которых складывается фонд представлений о посмертной участи, существенным образом отличаются от того информационного поля, в котором существовал русский человек вплоть до XX в. Основные знания и морально-нравственные установки русский крестьянин получал из религиозных картинок и духовных стихов. Последние в наши дни сохранились, в основном, как номинальные, в них редко встретишь ту насыщенность ужасающими образами, которые отличали этот фольклорный жанр в прошлом. Кроме того, воздействие этих стихов зависело от эмоциональной и религи-

озной подготовленности слушателей, наличие таковой можно встретить лишь у небольшого круга людей старшего возраста. В целом круг современных «посмертных» представлений — это результат напластования источников разного характера: кроме упомянутых стихов сюда относятся дошедшие из прошлого рассказы о наказаниях за гробом и Страшном Суде; рукописные молитвенные тексты; специальная литература, включая различные

сочинения эзотерического характера; просветительно-проповедническая деятельность священников, на специфике которой я остановлюсь ниже. И, наконец, — вещие сновидения, в том числе собственные или кого-то из реального окружения, это один из наиболее популярных и вызывающих доверие источников, часто служащих руководством к последующим действиям. Разнообразие источников, наложенное на остатки прошлых воззрений и религиозную безграмотность, усилили тот субъективный фактор в представлениях о загробном мире, который в прошлом органично не выходил за пределы общей системы мировоззрения. Приведу по этому поводу наблюдение приходского священника о том, что входит в круг интересов его односельчан. *«Книжки о загробной участи — я такие книжки продавал и покупали. Можно почитать. Есть Серафим Роуз — “Душа после смерти”. Но мне кажется, людям эта тема малоинтересна. Я думаю, им удобнее пересказывать друг другу свои представления, чем знакомиться с церковным учением»* (с. Яловка Красногорского р-на Брянской обл.).

Едва ли не главным фактором, определяющим традиционную корреляцию земные грехи — возмездие за гробом в ее современном варианте, я бы назвала отсутствие у основной массы населения безоговорочно иррационального восприятия мира, на котором строилась нравственная система поведения в прошлом. Сознание человека по-прежнему не хочет примиряться с окончанием бытия и готово верить в его продолжение после смерти. Но конкретное наполнение загробного мира, если и присутствует в современных представлениях, то скорее как сохраненные рассказы из прошлого, имеющие сказочно-мифологический характер, или просто как информация для размышления. *«Сейчас балакают, что в Рай пойдешь. А что это — не знаю. При советской власти этого не было. А сейчас балакают — в Рай, так надо молиться, в церковь ходить»* (с. Гороховка Верхнемамонского р-на Воронежской обл.). Ад и Рай и сейчас присутствуют в представлениях старых людей, усвоивших от родителей образно-мистическое видение загробного мира. Причем комментарии, сопровождающие рассказы на эту тему, свидетельствуют о том, какие поступки наши собеседники относят к непрощаемым грехам. *«Огненная река — серное озеро, где будут гореть. Для самых грешных, как Ленин. Он великий грешник по отношению к религии»* (г. Кашира Московской обл.). Присутствие в со-

знании религиозно настроенных людей образов загробного мира проявляется в сновидениях — как напоминание о совершенных грехах. *«Про наказание за грех — бабушки говорили, ну.. это какой ты человек, как относишься к людям. Конечно, есть Ад, Рай, может, это и доказано. (Бабушки верят в Ад и Рай?) Да. Моей бабушке сон приснился. Был у нее поступок, не очень хороший, и приснился ей сон. Идет дедушка... такая белая борода, и показывает ей: с правой стороны Рай, цветы там, дети, люди все счастливые, с другой стороны показывает Ад. Там муки, крики, стоны. Он ей просто показал, как напоминание»* (с. Новый Ропск Климовского р-на Брянской обл.). Всё советское время сохранялись характерные для прошлого рассказы о неизбежности наказания за гробом с комментариями дидактического характера. *«Тот свет, как и этот — устроен похоже. Только там всех людей сразу на две группы поделили: те, которые без греха, в Рай попали, а кто грешил — в Ад. А дальше-то всё, как на земле. Да-да. Коли заслужил который райскую жизнь, так ему на том свете всё хорошее — радость достается. А в Аду совсем по-другому: там одни мученья — так что терпи, что заслужил. Только вот зависти, говорят, ни в Раю, ни в Аду не бывает. Праведные — те всем довольны (в Раю же!), а грешники — чему ж им завидовать?! Они рады и тому, что им не досталось хуже. Да и что лучше: жариться или вариться? Что тут поделаешь? Что заслужил, то и получай. А как же! Заранее, на земле об этом думать надо. Потом-то поздно будет»<sup>184</sup>.*

Конечно, в крестьянской среде и в советское время сохранялись еще рассказы об адских мучениях и иллюстративные источники информации. Другое дело, что атеистические настроения общества и интересы повседневной жизни, особенно в среде молодежи, становились причиной не только равнодушия, но даже отталкивания мыслей о загробной расплате за земную жизнь. *«Много у свекра было божественных книг. Даже была картинка: “Страшный суд”. К нам многие приходили смотреть. Там как попов ведут за язык. Как нам в старину говорили: врать нельзя, обманывать нельзя, воровать нельзя — будешь сковороду лизать горячую. И там сковороды и огонь под ней. Это Ад, а на левой стороне Рай. (Влияло это на вас?) ну... поглядели. Но тогда мы были молодыми. Нам это было...ну... далеко от нас»* (с. Кудаково Спасского р-на Рязанской обл.).

<sup>184</sup> Легенды, предания, устные рассказы Брянской области. С. 115.



Но приведенные примеры, судя по разговорам с людьми разного возраста, нужно отнести скорее к области их знаний, но не того реально неизбежного будущего, которое может воздействовать на поведение на земле. Массовое сознание не хочет воспринимать загробный мир таким, каким его видели религиозные предки. Продолжение жизни за гробом обычно определяется как достаточно аморфное понятие «тот свет», который для многих обретает черты, свойственные миру земному: на «том свете» люди также мучаются от голода или холода, живут земными коллективами и дают оставшимся на земле знать о своих нуждах, что происходит, обычно во снах. Приведу суждение одной нашей собеседницы среднего возраста о сохраняющемся до сих пор обычае бросать в могилу при похоронах деньги. *«Ну.. говорят... там ведь, на том свете кто-то есть, кто заведует этим всем, кто-то же принимает этого покойника, который только что погребен в землю?! И он как бы принимает их выкуп. На этом свете ему еще определено место, ну... там место, чтобы он был кем-то в том обществе. Потому что до 40 дней его душа еще здесь, а потом уходит»* (с. Понизовье Руднянского р-на Смоленской обл.).

Приземленность видения иного мира, уход из него мистической сущности не означает, что одновременно из сознания наших современников ушли понятия о грехе и воздаянии в посмертном будущем, но их уже редко связывают с конкретными видами наказаний. *«Что на том свете – а Бог его знает. Все говорят, чего на белом свете заслужила, то и получишь. Это говорят»* (с. Тимгенево Сасовского р-на Рязанской обл.). В современных представлениях о воздаянии чувствуется явное смещение акцентов. Человек традиционной культуры постоянно ощущал себя в пространстве Божественного воздействия, которое в полной мере должно было проявить себя в загробном мире. В настоящее время невозможно говорить о той же степени присутствия божественных сил в сознании и поведении людей, кроме того, пришедшее свыше наказание наши современники ожидают уже, в основном, в земной жизни.

Совершенно прав был Г.П. Федотов, утверждая, что *«никогда христианство не может быть истолковано как религия смерти»*<sup>185</sup>. И хотя тема смерти занимала огромное место в сознании людей прошлого, заставляя не забывать о моменте перехода в иной мир и Божьем суде, христианство – это религия жизни, поскольку всё его учение было направлено на утверждение вечного

бессмертия души. Этот основной постулат церкви органично вписывал смерть в естественный процесс существования человека, смягчая страх перед ней. В менталитете современного человека осознание неизбежного конца и необходимость подготовить себя к нему всей земной жизнью сознательно или непроизвольно уходит на периферию сознания. Разговоры о смерти и образ загробной ответственности редко сопровождаются активной рефлексией у наших собеседников.

Эсхатологические ожидания не чужды умонастроениям современных людей, но связаны они в основном с реалиями современного мира – войнами, природными катаклизмами, но не со вторым пришествием Христа и Страшным Судом. Рассуждения на эту тему часто сводятся к тезису: «это то, чему учит Церковь». Незнание времени второго пришествия и Страшного Суда, постоянно постулируемая Церковью, подчас трансформируется в сознании людей в перенесение этого мистического события в некую, почти что, сказочную даль. Такое восприятие будущего обесценивает свойственную прошлому нравственно-регулирующую функцию страха перед осуждением Божьим Судом – навечно.

В последние годы в представлениях русских, особенно молодого поколения, чувствуется влияние новых акцентов в церковном учении о загробном мире. Я имею в виду отказ от конкретизации загробных мучений, трактовка их как символов неизбежных за грехи мучений, при неприкосновенности общей эсхатологической идеи христианства. Приведу в пример рассуждение молодой девушки (17 лет): *«Одна девочка мне правильно сказала, что ад – это не физические мучения, это духовные мучения, когда ты один со своими мыслями во тьме. Просто один со своими мыслями. Я тогда думала: она хуже меня, ей больше достанется, и успокаивалась на этом. А там ведь не видишь, кому больше, кому меньше будет. Но я особенно не задумываюсь»*. (г. Шацк Рязанской обл.). Образы загробных мучений не занимают существенного места в умах даже воцерковленной молодежи. Для нас же более важен тот факт, что в выборе линии поведения, в оценке своих поступков молодые люди всё чаще учитывают и возможную реакцию божественных сил. На вопрос о том, что является для нее нравственным ориентиром в поведении, моя молодая (18 лет, невоцерковленная) собеседница ответила: *«Мне будет стыдно не столько перед самой собой, сколько, наверное, перед друзьями, перед*

<sup>185</sup> Федотов Г.П. О смерти, культуре и числах. С. 324.



*тем же Богом, Творцом, как его называют. Может быть, меня остановит мысль о том, что вдруг что-то там есть что, что-то после жизни, и что потом со мной за это будет? Всё равно, что-то последует. Вот эта мысль, может быть, внутренний голос меня остановят. А, наверное, некоторые мои шаги, подсказывает именно мой ангел-хранитель»* (г. Дмитров Московской обл.).

**Загробный мир в современной практике окормления мирян.** К 1990-м годам уровень религиозной грамотности и степень соучастия веры в жизни русских был столь низок, что возрождение религии стало в известной степени второй христианизацией. И в связи с этим особенно возросла роль приходских священников. Анализ их катехизаторской и миссионерской деятельности показывает неординарность в решении проблемы воцерковления общества и его религиозно-нравственного воспитания. Подробное рассмотрение методов воздействия на паству и их обоснований, как и в целом богословских воззрений современных священнослужителей, могли бы стать темой отдельной работы. В данной же работе меня будет интересовать лишь их отношение к эффективности и предпочтительности разных путей воздействия понятий Страшный суд, мытарства, загробное воздаяние на нравственность населения.

Беседы со священниками показывают, как много они способны дать прихожанам. О большинстве из тех пастырей, с кем приходилось беседовать, а в основном это были приходские священники, окормляющие сельское население или жителей небольших провинциальных городов, можно сказать, что, пропустив сквозь свою душу учение Христово, осмыслив его, обладая большим объемом знаний, могут вести своих прихожан к вере. Но, к сожалению, далеко не всегда их паства готова принять предложенные знания. По словам о. Сергия из г. Медыни, *«очень много зависит от священника. Люди воспринимают Бога таким, каким его видит их священник»*. Этот тезис можно считать адекватным по отношению к дореволюционной России, но скорее желательным в современной действительности. Обычным прихожанам (я не имею в виду небольшой круг людей воцерковленных) импонирует учение о высшем справедливом суде, но скорее как отвлеченная доктрина. Для большинства учение об ответственности человека перед Богом, о необходимости уже на земле думать о возможном наказании пока еще не стало частью самосознания.

Как и какими способами вернуть нравственные нормы христианства в повседневную жизнь мирян, сделать их частью ментального поведения,

что выделить в качестве главного аргумента в учении о загробном мире — эти проблемы, как показывают беседы со священниками, не имеют полностью однозначного решения в приходской практике российских пастырей. Их мнения нередко расходятся в отношении традиционной (в прошлом) для Церкви линии воспитания прихожан через устрашения загробными карами. Как считают некоторые батюшки — только через любовь как основную заповедь христианства можно возродить веру и привести человека к осознанию своих грехов: *«Мне кажется, напугать страхом Божиим не может никто — ни церковь, ни государство. Сознание меняется. Задача Церкви научить, объяснить, а у человека — свобода. Церковь не должна молчать, должна говорить, тогда ответственность с нее снимается. Нужно с любовью призывать к покаянию»* (о. Рафаил, Смоленск.). Более того, по мнению некоторых священников, нравственное спасение человека может прийти только через пробуждение в душе каждого чувства любви, излишняя же апелляция к чувству страха перед земными или небесными наказаниями противоречит сущности христианства и, кроме того, отпугнет людей от церкви (о. Сергей, г. Юхнов Калужской обл.).

Большинство современных пастырей считают необходимым включение фактора страха в религиозное воспитание, но нередко подчеркивают, что речь идет о страхе, имеющем особое содержание, соответствующее мистическому взаимоотношению с Богом. Приведу цитату из беседы с сельским батюшкой из Симферопольского р-на, поскольку в его рассуждении наиболее ясно чувствуется совмещение двух аспектов воцерковления паствы: напоминание о страхе должно сопровождаться объяснением его сущности. *«Пугать, может быть, с одной стороны, и надо, а с другой — люди у нас после такого лихолетья так запуганы, и что их пугать! А научить: страх божий — это начало премудрости. Пре — это превосходная степень мудрости. И если ты научишь этому... Но чтобы научить этому, надо самому знать три вида страха: раба, наемника и сына. Но все постепенно: сначала ты раб. (Что такое страх Божий?) Это я боюсь Бога, я боюсь творить зло. Не боюсь Бога — значит не боюсь творить зло. (Но наказание?) Надо на исповедь. Душа как оmyвается. Увидеть в себе много грехов — вот это надо»* (О. Сергей, с. Мазанка Симферопольского р-на. Крым).

Наиболее общей концепцией пасторской деятельности в наши дни можно считать обязательность включения понятий загробный мир и мучения за грехи в проповедническо-просветитель-

скую практику. Другое дело, как, в каких категориях нужно объяснять людям будущие мучения, каким должен священник показать своей пастве загробный мир? Свой отход от практики устрашения конкретными образами наши собеседники объясняют изменением в сознании людей. *«В каждом периоде для сознания человека есть свои методы. В котле, Страшный суд – это не было страшно, это было сообразно сознанию людей того времени»* (О. Рафаил, г. Смоленск.).

Обещание воздаяния за гробом не обязательно должно включать такие традиционные для христианства понятия, как Ад и Рай, об этом можно услышать от молодых священников: *«Вообще учения об Аде у Церкви нет официального, есть слова Христа, творения Отцов о втором пришествии. Что за гробом – мы не знаем, но дадим ответ за каждое слово, за каждую мысль. Поэтому в нас должен быть страх Божий – это боязнь оскорбить благодать Божью, боязнь отпасть от Бога»* (о. Роман, г. Рославль Смоленской обл.). Другие священнослужители считают, что образ загробного мира, где каждому будет определена вечная судьба в зависимости от заслуг на земле, невозможен без категорий Ада и Рая. *«О грехе и наказании – каждый должен знать, что будет наказание, всем по-разному. И это вечно. Надо говорить о Рае и Аде. Именно какие [наказания] и за что – не надо»* (о. Владимир, г. Сураж Брянской обл., 2013). Характерные для представлений прошлого яркие картины загробных мучений некоторые священники относят не просто к устаревшим понятиям, но и видят в них недостаточную религиозную грамотность. *«На похоронах обязательно говорю проповедь: назидание потомкам и что будет с человеком. Сковородки в Аду? Да нет, гореть – это совесть наша будет гореть, жечь. (А люди чего бояться?) Какие люди смотря: не воцерковленные боятся сковородок»* (О. Вадим, с. Насыпное Феодосийского р-на. Крым). Новый взгляд на характер загробных мучений делает нецелесообразным, по мнению многих священников, учение о мытарствах. *«Мытарства – это предания Церкви, нет такого догмата. Можете верить или нет. Мы не знаем, что точно будет. Но воскреснем при Воскресении»* (о. Антоний, г. Феодосия).

Неоднозначные позиции занимают современные пастыри и по отношению к активно распространяющемуся среди населения «Хождению Феодоры по мытарствам». С точки зрения одних – эта литература не дает нужной информации, неправильно ориентирует людей. *«Феодору не признаю, читать не советую. Надо брать не*

*апокрифы, может быть апокрифы лучше не читать, и не знать. Я считаю, что есть мнения святых отцов, которые более логично говорят об этих вопросах, о наказаниях. Нужно слушать проповеди современных учителей, но не всех»* (о. Антоний, Феодосия). Другие даже считают, что видения Феодоры, как и другие сочинения аналогичного характера, уведут людей от истинного понимания христианского учения. *«Феодора – одна из древнейших христианских сказок. В церкви до революции эта книга была запрещена как нехристианская, так как получалось, что человека судит не Христос, а бесы. Я для прихожан литературу бережно подбираю. Феодора и до революции не печаталась, а ходила в списках. А сейчас печатают, что хотят»* (о. Александр, пос. Ершичи Смоленской обл.).

Как общее мнение сторонников популяризации видений Феодоры можно рассматривать слова священника из пос. Верхний Мамон Воронежской обл.: *«Феодору читать я рекомендую, пусть уж лучше так, чем никак. Хоть как-то будет удерживать. Я – за Феодору, так как в яркой форме напоминает о будущем суде. Хотя и против буквального понимания»* (о. Сергей, Верхнемамонский р-н).

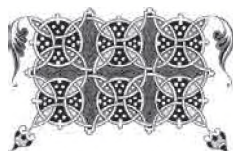
Христианский постулат о постоянном противоборстве в мире чистых и нечистых сил и сейчас остается неприкосновенным, но уходят из проповеднических бесед яркие, наполнявшие ужасом сердца верующих, образы той дьявольской силы, в чьи руки попадет грешник за гробом. Уход в мир символов, за которыми теряется понимание явления, вызывает возмущение некоторых священников, поскольку лишает верующих чувства опасности перед страшной силой зла. *«На проповедях говорю и о Рае и об Аде. О царствии небесном. Ад, конечно, существует. (Говорят, не надо запугивать?) Это интеллигенция, не хотят о дьяволе. Это им не по душе. А это ведь личность, величайшая личность – дьявол. Это не просто кого-то беса нарисовали. Просто он, лукавый, так человека вокруг пальца обвел, что он не верит, что тот существует. Это его главная победа»* (О. Вадим, с. Насыпное Феодосийского р-на. Крым).

Одним из главных источников знания крестьян об ожидающем за гробом страшном, но справедливом суде, на котором будут взвешены все их деяния, как это видел крестьянин Макар, был визуальный материал – в церкви и еще чаще дома. В настоящее время мы практически не видим икон Страшного суда ни в храмах<sup>186</sup>, ни, тем более, в сельских домах. За два десятилетия полевых исследований мне встретился лишь

один случай, когда приходской священник специально заказал икону Страшного Суда для своей церкви. Цель нахождения иконы в храме он объяснил так: *«Икону Страшный Суд написал один художник, я попросил. его (Суд. — Т.Л.) чаще в притворах (ставят), но у нас нет места. А людям надо показать. Это панихидный стол и на уровне его, когда мы отпеваем, рассказываем людям, как душа идет, какие мытарства ждут после смерти. Чтобы люди задумывались, чтобы реально видели картину, как это может быть. Церковь не пугает, но напоминает, чтобы человек не забыл день свой смертный. Так учат святые отцы: “Помни день смерти, тогда никогда не согрешишь”»* (о. Василий, д. Ленино Добрушского р-на Гомельской обл.). При некоторых разногласиях методического характера, все наши собеседники — приходские священники едины в главном: нужно донести до сознания своих прихожан неизбежную ответственность за земные дела после смерти, и только, учитывая эту будущность, они не захотят отступать в сторону зла. Приведу в заключение слова священника из г. Медыни, которые можно рассматривать как обобщение роли пастыря в нравственном воспитании народа. *«Есть священники — потакают нравам общества. Есть учат по святым отцам. Действительно, у святых Отцов много символично, так как говорили на языке своего времени. Но вы не найдете у святых Отцов того, что, например, проблемы, которые ждут нераскаявшегося человека после смерти это символические проблемы, что это страшилки. Они все подчеркивают реальность адских мук, воздаяния и реальность блага. Я не грожу*

*никому, не дело священника угрожать, но информировать и помочь сделать выбор надо. Нет никаких других состояний после смерти кроме Ада и Рая. Но качество мучений в Аду и нахождения в Раю разное. Все зависит от вектора состояния души»* (о. Сергей, Калужская обл.).

В последние два десятилетия религиозное просвещение пришло в общеобразовательные школы, хотя и в разных объемах в разных областях. Благородная цель — познакомить детей с православием как основой культуры своего народа, в реальности наталкивается на массу ограничений, вызванных светским характером учебных заведений. Перед учителями стоит непростая задача: ознакомить учащихся с основными понятиями христианства, не углубляясь в мистику веры, исключая из курса преподавания такие понятия, как грех и страх перед Божьим гневом, Божий Суд и наказания за грехи, как ожидающая христианина реальность. Но верующие учителя стараются довести до сознания детей другой, более важный и, возможно более действенный для воспитания нравственности принцип взаимоотношений в обществе, провозглашенный самим Христом. О своей методике преподавания основ православной культуры учительница из средней школы с. Мамоновка Верхнемамоновского р-на Воронежской обл. сказала следующее: *«Я веду ОПК. Про Бога маленьким не говорю. А старшие знают, что он всемогущий, видимый и невидимый. И когда мы в церкви, он глядит на всех. Бог — это любовь. Вера и надежда воспитываются на земле, а любовь остается и в потустороннем. Веры и надежды уже нет, а любовь остается в вечности».*



<sup>186</sup> Часто такие иконы существуют в храмах, но в помещениях, не доступных мирянам. Некоторые священники прямо говорят о том, что не видят смысла знакомить с ними прихожан. По словам о. Александра (Коржакова), настоятеля храма Симеона Богоприимца в пос. Ершичи (2013 год), «икона Страшного суда где-то есть, но я не сторонник страшилок».